

902.7

Г-496 ²⁵

В киргизских ачлах.

Из № 2.

А

Не выдается

ВЪ КИРГИЗСКИХЪ АУЛАХЪ.

(Очерки изъ поѣздки по Семирѣчью).

ПРЕДИ туземнаго населенія Семирѣченской области преобладающее по количеству мѣсто занимаютъ кочевники-киргизы. Они издавна залили живою волной все степныя области и значительную часть Туркестана. Необразимыя пространства киргизскихъ степей занимаютъ свыше пятидесяти тысячъ квадратныхъ миль.

Полудикій въ масѣ, младенческой, наивный народъ, не лишенный хитрости, но не коварный, часто жестокий, но въ общемъ только грубый, наконецъ, несомѣнно, законопослушный и уважающій власть, хотя и упрямый и свободолобимый, киргизы могутъ располагать къ себѣ, но могутъ впускать и чувства обратныя. Ихъ неразвитость, грязь, грубость вкусовъ и чувствъ, наконецъ, даже внѣшній видъ подчасъ впускають больше, въ брезгливость, а русскій мужикъ-переселенецъ, сталкиваясь рядовымъ небогатымъ киргизомъ, ставить послѣдняго ни во и не хочетъ признать ни его правъ, ни его человѣческаго существа: «у киргиза—не душа, а парь».

Но составившіе некогда три орды киргизъ-кайсаки да кара-киргизы ¹⁾ заняли слишкомъ большое пространство и

¹⁾ Кара-киргизы (черные киргизы) проживаютъ въ Семирѣченской области, въ окрестности озера Иссыкъ-Куль, въ верховьяхъ рѣки Текеса, по долинамъ рѣкъ Чу и Таса (Сыръ-Дарьинской области). Въ предѣлахъ Китая они живутъ по южному берегу Тянь-Шаня. Ихъ-то и называли киргизами, тогда какъ остальные племена, въ называемыя киргизами, правильнѣе называть «кайсаками». Одного племени съ кара-киргизами минусинскіе татары, иначе называемыя абакашскими. Авт.

составляютъ замѣтный элементъ населенія, чтобъ ихъ можно было забыть, какъ забываютъ про мелкія вырождающіяся племена. Киргизы имѣютъ свою родовую аристократію—султановъ, свои историческія преданія и легенды, свою интеллигенцію, представители которой обнаруживаютъ иногда большую энергію и способности.

Все это даетъ основаніе подѣлиться хотя и отрывочными, и разнообразными наблюденіями надъ жизнью, характеромъ и бытомъ смирѣченскихъ киргизовъ, какъ въ степи, на ихъ пашняхъ такъ и въ горахъ, на ихъ лѣтовкахъ ¹⁾.

I.

Первое знакомство съ киргизами.

Арасанъ.—Киргизское земледѣліе.—Обычная жизнь аула.—Угощеніе гостя.—Положеніе женщины.—Дорога на джайлау.—Природа въ горахъ.—Родовая связь у киргизовъ.—Жалобы ихъ.—Общія впечатлѣнія.

Раскачиваясь во все стороны, медленно подвигалась по степи наша плоскодонная телѣга, прикрытая, какъ колпакомъ, рогожей на свитыхъ прутьяхъ (берданка). Впереди зеленѣла безконечная равнина, постепенно становившаяся все темнѣе. Передъ нами таранча-возница нагѣваль пѣсню со смѣшнымъ пригѣвомъ «Чурикъ-мурикъ» и съ любовью покрикивалъ на своихъ саврасокъ.

Таранчинское селеніе ²⁾, изъ котораго мы выѣхали, стало теряться изъ виду. Дорога становилась все хуже и наконецъ совсѣмъ пропала. Началась дикая степь, полоса киргизскихъ зимовокъ и пашень. Джигить ³⁾ нашъ, Менгли-Бай, чувствовалъ себя въ открывающемъ просторѣ, какъ чувствуетъ себя птица, выпущенная изъ клѣтки на воздухъ. Она купается въ волнахъ воздуха, поетъ и летаетъ, летаетъ безъ конца. Присядеть на вѣтку, осмотрится и снова летитъ—куда, она сама не знаетъ, ослѣпленная своей свободой, забывшая томительныя и сразу ставшія чужими и далекими впечатлѣнія клѣтки.

Такъ летать въ степи нашъ джигить. То онъ скакалъ карьеромъ и вдругъ, оставаясь въ сѣдлѣ, нагибался до самой земли, чтобъ сорвать красивый цвѣтокъ, то вдругъ снималъ свою шляпу и ловилъ пролетающую бабочку, то останавливалъ свою лошадь

¹⁾ Считаю долгомъ принести глубокую благодарность Е. Н. Козряну и Н. О. Дубенецкому, предоставившимъ мнѣ свои фотографіи для иллюстрацій. Г. Г.

²⁾ См. нашу статью «Таранчи и душмане», «Историческій Вѣстникъ» 1911 г., № 8.

³⁾ Конный развѣдочный киргизъ, съ казенной бляхой.

и затягивалъ монотонную пѣсню, начинавшуюся такимъ затяж-нымъ выкрикомъ, что слушаешь, слушаешь и, кажется, ужь и конца ему не будетъ, но вотъ онъ обрывается, какъ вздохъ, и тянется грустный, однообразный мотивъ, отдаваясь далекимъ эхомъ.

Тихо. Людей нѣтъ. Киргизы въ горахъ, на джайляу; въ степи остались лишь залоздавшіе да еще стерегущіе посѣвы. Смотрѣть впередъ надоѣдаетъ. Оставшаяся позади громада горъ—въ облакахъ. Солнце подымается. Горизонтъ заволакивается сѣрой дымкой. Становится жарко. Мѣрное качаніе повозки убаюкиваетъ, и спутникъ мой, переводчикъ студентъ В., семирѣченскій уроженецъ, уже приглядѣвшійся къ прелестямъ своей богатой родины, начинать дремать.

Вдругъ крикъ. Изъ камыша поднялась стая молодыхъ утокъ и, быстро, быстро замахавъ крыльями, полетѣла прочь. Охотничій истиникъ джигита вылился въ крикъ,—не было ружья. Снова тишь. Но вотъ на горизонтѣ показываются бѣлый и красный флажки. Это признаки близкой стоянки, такъ какъ насъ предупреждали, что ближайшій аулъ находится педалеко отъ священнаго ключа, арасана, у котораго и поставлены флаги.

Ключъ былъ намъ по дорогѣ. Впрочемъ, дорогой едва ли правильно называть ту слабо протоптанную полосу-тропинку, по которой мы ѣхали, рискуя не разъ перевернуться. Послѣ крутого, но, къ счастью, небольшого спуска въ оврагъ мы увидѣли источникъ и въ нѣсколькихъ верстахъ дальше—аулъ.

Надъ маленькимъ естественнымъ бассейномъ съ чистой прозрачной водой раскинулись два роскошныхъ карагача (видъ тополя) съ шарообразными шапками листвы. Тамъ, гдѣ бассейнъ переходитъ въ ручеекъ, устроены палатки для купанья большихъ ¹⁾). На деревѣ висятъ тряпочки и копилка. Тряпочки—скромныя подношенія паломниковъ, а копилка поставлена муллою, который живетъ въ землянкѣ у ключа, питаясь подавнїями. Когда мы пришли, мулла молился, и ничто не могло заставить его повернуться до окончанія молитвы. На рогожкѣ у ключа сидѣлъ большой, разслабленный киргизъ. Всѣ члены тѣла его дрожали; съ трудомъ поднявшись, онъ еле держался на ногахъ.

Выпивъ воды и осмотрѣвъ источникъ, мы отправились въ аулъ, гдѣ остановились въ первой большой юртѣ.

Жалкими показались мнѣ новые знакомцы. Хозяинъ нашъ былъ на рѣдкость безтолковъ и на вопросы, которые ему задавали, либо отзывался незнаніемъ, либо рассказывалъ такую чепуху, что его никто не понималъ. А болѣе молодые, изъ уваженія къ старшему (хозяину было подъ пятьдесятъ), не смѣли говорить и тоже

1) Маленькій Лурдь.

молчали. Не мудрено, что всякіе вопросы ¹⁾ пришлось на время прекратить, пока не пріѣхали другіе, болѣе толковые киргизы.

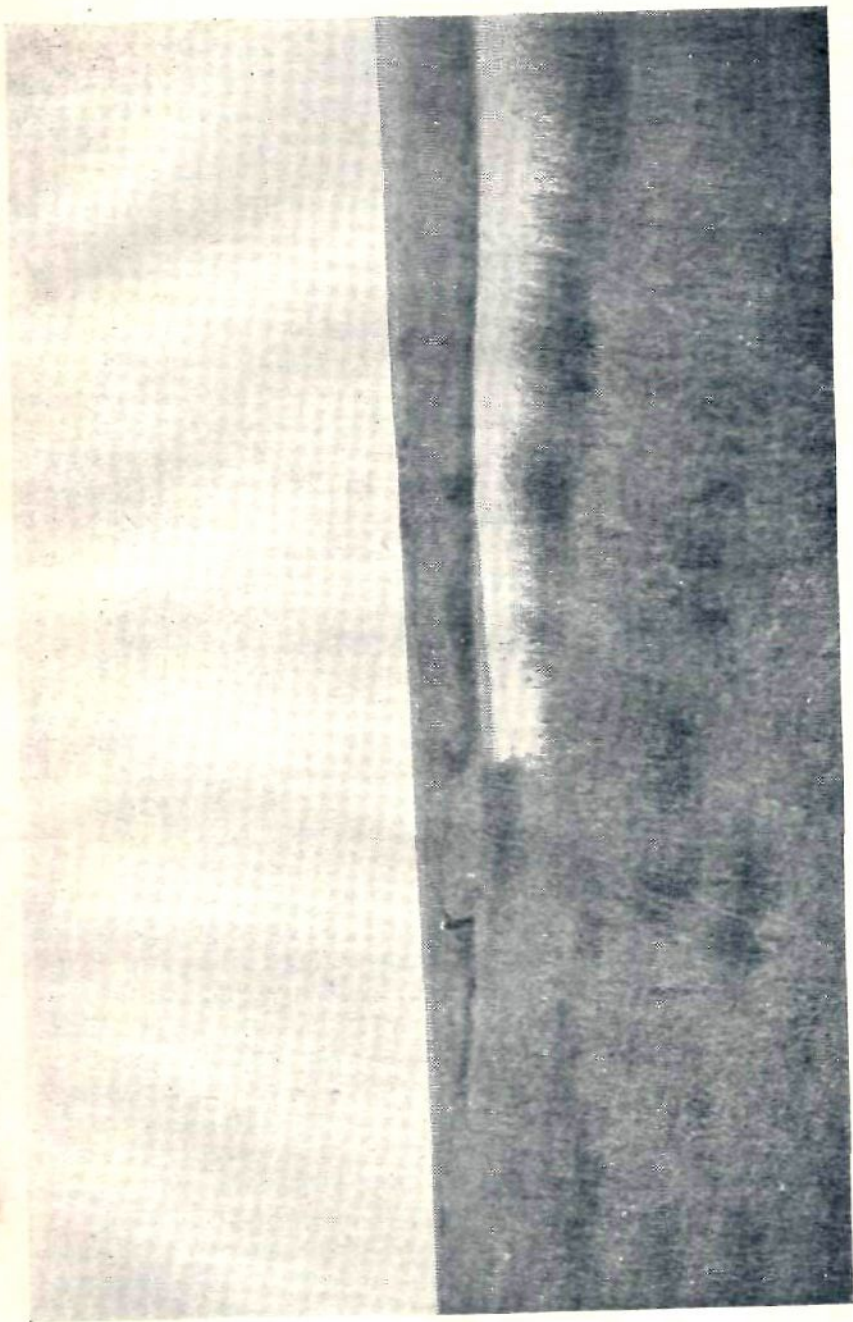
Мы углубились довольно далеко въ Пріилійскую равнину. Съ пригорка открывались огромныя пространства, поросшія чіемъ и другими характерными для степи травами. Посѣвы занимаютъ пчотокную часть этого пространства, и грустно видѣть, какъ половина этихъ посѣвовъ гибнетъ отъ безводья, какъ много земли съ системой заброшенныхъ поливныхъ канавъ (арыковъ) остается безъ посѣвовъ потому, что не хватаетъ воды, которую перазумно тратятъ другіе; какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дикое просо и иткунакъ ²⁾, перемѣшанные съ бурьяномъ, свидѣтельствуютъ о не использованныхъ силахъ земли. Но кое-гдѣ торчатъ вѣхи топографовъ. Производится съемка, и вѣхи напоминаютъ о томъ, что кто-то думаетъ объ этой землѣ, а маленькіе флаги на этихъ вѣхахъ говорятъ о будущей побѣдѣ культуры.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ равнины темнѣютъ небольшими пятнами киргизскіе сады. Сады эти—просто рядъ или группа деревьевъ, насаженныхъ у пашни или зимовки. Какъ первобытны и пашни эти, и зимовки, и сады. Но надо тутъ же замѣтить, что не спитъ уже степь мертвымъ сномъ. Смутную тревогу поселили въ дѣтяхъ степи вышки царскихъ чпшовниковъ и уже тамъ и сямъ появляются прозорливые киргизы, которые не изъ нужды, а изъ расчета мѣняютъ бѣлоснѣжныя горы на темную каштановую равнину. И у этихъ киргизовъ уже не случайныя и бессистемныя запашки, а правильное, хорошо и сознательно поставленное сельское хозяйство съ пшеницею на первомъ планѣ, съ хуторами, съ домиками вмѣсто юрты и съ настоящими фруктовыми садами возлѣ жилищъ.

По рассказамъ случайнаго знакомаго въ дорогѣ, я зналъ одного такого киргиза Бильдебая. И мнѣ пришлось побывать у него въ гостяхъ. Бильдебай образцовый хозяинъ и вліятельный человекъ. Онъ знаетъ самоучкой русскую грамоту и много русскихъ словъ. Онъ прекрасный охотникъ, знающій и любящій свое дѣло, садоводъ и у него на хуторѣ, кромѣ двадцати десятинъ хлѣба, еще пять десятинъ сада. «Глушь,—говоритъ онъ,—киргизъ, который сидитъ со своими бараками и не чувствуетъ, что земля уходитъ изъ его рукъ. Только въ землѣ вѣрное богатство. Я лишній рубль не истрочу на скотину, а куплю себѣ новыя деревья для сада. Мои сосѣди «щцакаютъ» и смѣются надо мною, но они послѣ увидятъ, кто былъ правъ». Бильдебай, способнѣйшій человекъ, не даромъ терся во-

¹⁾ Цѣлью поездки было изученіе воднаго хозяйства. Результаты обследованія напечатаны въ «Вопросахъ колонизаціи», №№ 6, 7, 9 и вышли отдѣльными брошюрами.

²⁾ Кормовая трава для скота (на югѣ Россіи называемая—парышка), «итъ»—значить собака,—распространенное у киргизъ ругательство, здѣсь значить «дикая».

Видъ киргизской стѣны.

кругъ русскихъ, онъ многому научился и сумѣеть всякими, въ то числѣ, конечно, и предосудительными средствами нажить деньги а его сынъ будетъ учиться въ гимназіи.

Много мнѣ приходилось потомъ въ Пріилійской равнинѣ идѣть запаханыхъ киргизами земель, видѣлъ я у нихъ да машины Макъ-Кормика, но справедливость требуетъ сказать массѣ, что земледѣльческое хозяйство киргизовъ стоитъ ниже, чѣмъ у прочаго населенія и что разбросанныя ключьями безсистемно киргизскія нашіи безжалостно дробятъ крупный земельный запасъ такъ что безъ смѣщенія киргизовъ невозможно правильное заселеніе земель. Но справедливость требуетъ и другого—благожелательнаго и разумнаго земельного вознагражденія смѣщенныхъ. Семирѣчье обладаетъ ограниченномъ запасомъ земель, которыя были пригодны для земледѣлія безъ крупныхъ затратъ на осушеніе и орошеніе. Семирѣчье рѣзко отличается характеромъ своей поверхности отъ однообразныхъ степныхъ областей и потому здѣсь смѣщеніе киргизовъ бываетъ опасно и жестоко по своимъ послѣдствіямъ. Необходимо поэтому скорѣйшее изданіе закона о землеустройствѣ семирѣченскихъ киргизовъ, а еще лучше—о землеустройствѣ всѣхъ туземцевъ и старожиловъ, чтобъ дѣло колонизаціи прочно покосилось на нормальномъ развитіи всего населенія и чтобъ колонизація проходила мирно, безъ темныхъ пятенъ насилія и обидъ.

Шель мелкій дождь. Лѣнныя киргизы сидѣли безъ дѣла въ юртѣ, куда то и дѣло пріѣзжали посмотрѣть на насъ столь же бездѣятельные сосѣди. Вокругъ юртъ суетились однѣ только женщины. Онѣ—истинныя рабыни. Если у таранчей женщина считается за полчеловѣка, такъ какъ только двѣ женщины составляютъ свидѣтеля, то у киргизовъ она, пожалуй, вовсе не человѣкъ. И купаемая за калымъ, она составляетъ какъ бы часть имуществъ. Когда мужъ умираетъ, жена переходитъ къ брату, либо продается за калымъ жениху, развѣ только она слишкомъ стара или имѣетъ много дѣтей. Одинъ изъ киргизовъ, показывая мнѣ свою жену хвалилъ ее за то, что она приноситъ ему одну прибыль. Онъ ей платилъ за нее двадцать лошадей, а она родила ему трехъ дочекъ которыхъ онъ продастъ за сто лошадей. Мой джигитъ при этомъ одобрительно похлопалъ «бейбише»¹⁾ по спинѣ. Когда жены отпущены въ гости къ роднымъ, имъ обычно дѣлаютъ подарки. Изъ-за этого ихъ посѣщенія, разорительныя для дома, не очень желательны. Наша «бейбише» получила первый разъ корову, а второй разъ вернулась съ пустыми руками. Третій разъ она уже не поѣдетъ.

Хозяинъ мой занималъ самую большую юрту изъ пяти, расположенныхъ на одной полянѣ. Во всѣхъ пяти жили родственники. Главой аула, какъ самый старшій, былъ нашъ хозяинъ.

¹⁾ Такъ называется старшая жена.

Привыкнувъ къ намъ, опъ сталъ разговорчивѣе и приказалъ зарѣзать въ честь «кунака» барана. Мы противились этому угощенію, за которое полагается, въ свою очередь, отблагодарить подаркомъ, но барана все-таки зарѣзали. Джигитъ объяснилъ, что иначе нельзя, потому что баранъ, котораго думали зарѣзать и пожалѣли, все равно издохнетъ, а за гостепрѣмство Аллахъ наградитъ. Передъ тѣмъ, какъ рѣзать барана, его привели въ юрту, хозяинъ прочелъ короткую молитву, а все въ это время держали ладоши впередъ и, по окончаніи молитвы, наложили руки на лицо, словно умываясь.

Сусамырская дорога у рѣки Караколь.

Вареное мясо принесли въ мискахъ, и я долженъ былъ взять себѣ первый кусокъ, а остальное раздать по рангу присутствующимъ. Раздачею занялся мой спутникъ В., который и за чаемъ съ парочкой важности раздавалъ все по куску сахара и по куску хлѣба. У киргизовъ это большіе гостинцы. Обыкновенно женщины, которыя больше всѣхъ работаютъ, либо ничего не получаютъ во время пиршества, либо получаютъ объѣдки, оставшіяся послѣ всѣхъ. В. давалъ имъ сахаръ и маленькіе кусочки баранины, и опъ брали только тогда, когда имъ разрѣшалъ «бай» кивкомъ головы.

У женщинъ тоже есть ранги. Младшія встаютъ и кланяются въ поясъ не только, когда входятъ мужчины, но и когда входятъ старшія женщины. У сына нашего хозяина была молодая жена,

только зимою взятая замужъ. Она нарядно одѣта въ красную блестящую безрукавку, сапоги ея еще не покоробились и выглядят новенькими: словомъ, все приданое, которое обыкновенно дается за калымъ и равно половинѣ стоимости послѣдняго, еще не потрепалось, и молодуха не обратилась въ тѣхъ грязныхъ, утомленныхъ женщинъ-киргизокъ, какихъ обыкновенно видишь. Образцомъ красоты киргизы считаютъ русскихъ дѣвушекъ. Мнѣ рассказывали, что одинъ богатый киргизъ заплатилъ за русскую дѣвушку восемь тысячъ рублей, много лошадей да еще отдалъ въ придачу двѣсти десятинъ подъ пашню.

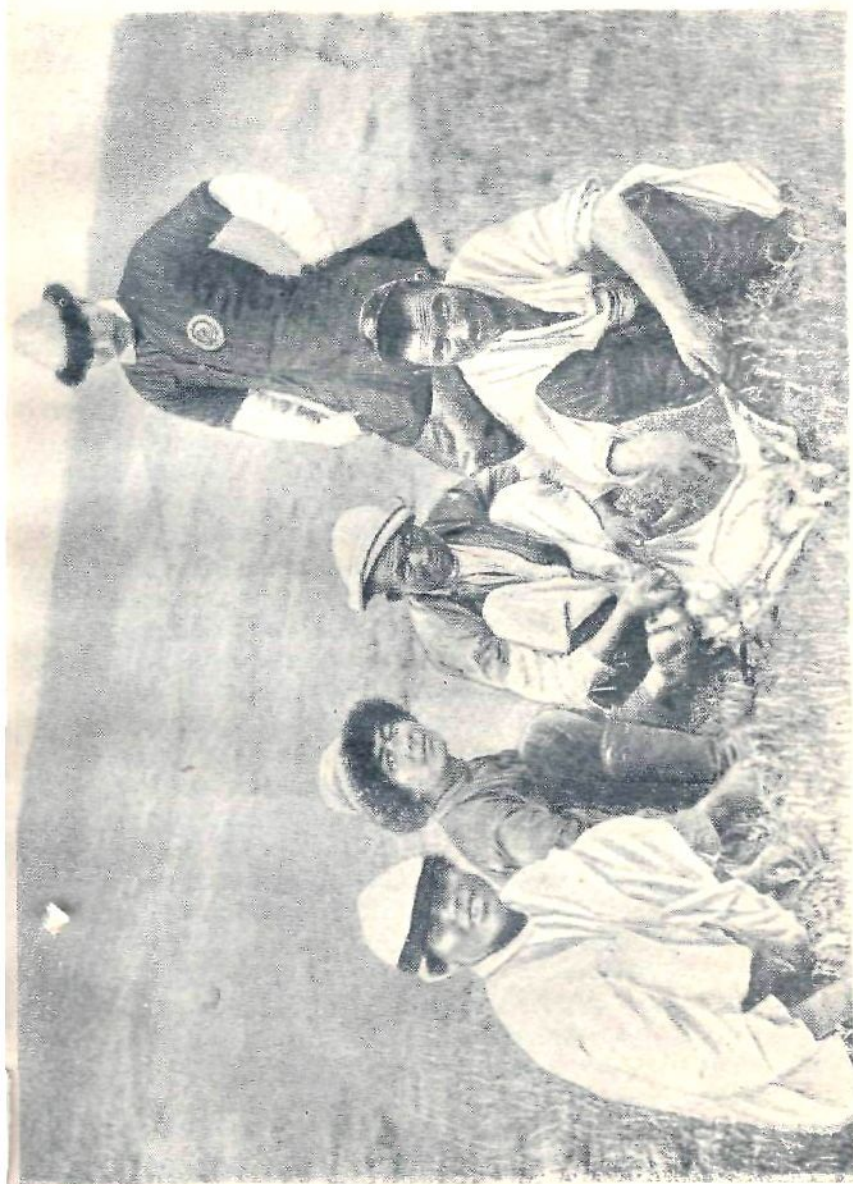
Большею частью дѣвушекъ «тащатъ», и тогда платятъ маленькій калымъ, какъ за испорченныхъ. Тащатъ, впрочемъ, съ вѣдома и согласія обѣихъ сторонъ. Менгли-бай, мой джигитъ, рассказывая про свою семью, говорилъ, что отецъ женилъ уже двухъ старшихъ сыновей и теперь обѣщалъ дать калымъ и за него, такъ что осенью онъ будетъ смотрѣть дѣвокъ, а потомъ будетъ «тащить». Такъ какъ калымъ выплачивается иногда въ теченіе продолжительнаго времени, то женихъ, уплативъ больше половины, считаетъ уже невѣсту своею и на его посѣщенія смотрятъ обыкновенно сквозь пальцы, иногда способствуя свиданіямъ.

Спали въ юртѣ все вмѣстѣ, такъ какъ шель дождь и получить отдѣльную юрту значило выгнать хозяевъ. Если бы осталось мѣсто, вѣроятно, ночевали бы въ одной съ нами юртѣ и молодые супруги. Мой спутникъ, мѣстный уроженецъ, поразилъ меня тѣмъ, что, нисколько не стѣняясь присутствіемъ женщинъ, преспокойно раздѣлся и гулялъ въ одномъ бѣльѣ, но джигитъ Менгли-бай, продолжалъ то же, и я убѣдился, что это одинъ изъ обычаевъ. Женщина вѣдь не человекъ. Заснули скоро, и смутно сквозь сонъ я слышалъ крики и шумъ, когда собаки подняли тревогу и пастухи выбѣжали гнать и отогнать завывавшаго голоднаго волка.

Когда я проснулся утромъ, въ юртѣ стояла невыносимая вонь ¹⁾. Вслѣдствіе дождя все было закрыто и вентиляціи никакой не было. Киргизскія юрты состоятъ изъ складныхъ плетеныхъ стѣнокъ и плетеной изъ жердей конусообразной крыши. Все покрыто толстымъ войлокомъ. Отверстіе въ видѣ кольца оставляется лишь для выхода дыма на самомъ верху крыши, кромѣ того, оставляется еще четырехугольное отверстие для дверей. Во время дождя и на ночь все это закрывается. Въ юртѣ живетъ человекъ десять да еще перѣдко и молоденькій ягненокъ или козленокъ. Оттого-то и получается въ концѣ концовъ убійственная атмосфера.

Женщины, когда я проснулся, были уже на ногахъ и пили «айранъ»—баранье кислое молоко, которое сварили вечеромъ. По-

¹⁾ Ночевка въ киргизскихъ юртахъ, особенно у малолетнихъ киргизовъ, самое неприятное изъ воспоминаній поѣздки.

Тилы киргизофь.

томъ онѣ развернули грязную тряпку и стали грызть кости, оставшіяся отъ вечерняго ужина. Намъ подали тоже айранъ да еще жареное просо въ молокѣ. Показалось вкусно.

Лошади наши куда-то забрели, и когда я вышелъ изъ юрты, то увидѣлъ на пригоркѣ джигита, разославшаго во все стороны гонцовъ и наблюдавшаго за ними, подобно полководцу, съ вершины холма. Только черезъ часъ все четыре лошади отыскались, и мы двинулись дальше. А наши хозяева сейчасъ же велѣдъ за ними стали складывать юрты: они отправились въ горы.

Киргизы, зимовки которыхъ расположены въ бассейнѣ рѣки Талгаръ, лѣтомъ отправляются обычно въ горныя щели, гдѣ начинается эта рѣка. Могучій массивъ Талгара разсѣченъ кипящими потоками на нѣсколько частей. Иныя изъ нихъ еще настолько дики, что въ нихъ попадаются тигры, какъ въ камышахъ Прибалхашской равнины. Въ Талгарскія горы отправились и наши хозяева. Спустя нѣсколько дней и мы поѣхали на джайляу (горное пастбище), въ одно изъ ущелій Талгара. Горы, окружающія городъ Вѣрный и горы Талгаръ въ особенности, очень круты и кажутся издали недостижимыми, потому я убѣдился, что это не только кажется.

Нѣсколько часовъ мы ѣхали берегомъ рѣки, съ синимъ отливомъ рѣчки. Горы все надвигались на насъ, и незамѣтно ближайшіе холмы вырастали въ крутыя громады, а грозныя вершины горъ стали теряться изъ виду. Ущелье обросло кустарникомъ и пышною травой съ макообразными, яркими цвѣтами, сочной мальвой и гордымъ широколиственнымъ и стройнымъ эремурусомъ.

Переѣхали послѣдній мостъ, миновали насѣку самовольно забравшагося въ горы казака и скоро увидѣли первые аулы. Но еще мы были невысоко. Первые пышныя ели одиноко красовались среди другихъ деревьевъ.

На склонѣ предгорья и разъ показывалось пестрое платье до­родной казачки. Первые изъ попадавшихся на пути юртъ были черныя и грязныя: всегда низовья занимаютъ бѣдняки.

Дорога все подымалась, порою горы становились скалистыми и почти смыкались. Надъ головой висѣли безпорядочныя глыбы красноватыхъ или зеленоватыхъ отъ мха камней, а далеко наверху виднѣлась полоса голубого неба. Огромныя ящерицы перебѣгали дорогу; пролетали синеворонки. Все было удивительно ярко и красиво въ этой первобытной дѣвственной природѣ.

Снова открывалась щель. Виднѣлись новыя складки горъ, и на нихъ маленькими точками выдѣлялись киргизскія юрты и еще меньшими, чуть замѣтными кочками, казался скотъ.

Переѣзжали въ бродъ рѣчки. Сильная вода маленькихъ водопадовъ пугала лошадей. Да онѣ и устали и неохотно подвигались

дальше. Погода портилась. Въ горахъ она измѣнчива и своенравна. Хотя мы выѣхали въ сильную жару, при совершенно безоблачномъ небѣ, но уже къ полудню вершины горъ погрузились въ облака, и скоро пошелъ дождикъ. Мы закутались и взобрались все-таки довольно высоко, остановившись на ночлегъ у богатаго и родовитаго киргиза Казангапа Байбекова. У него двѣнадцать сыновей, которые уже умерли, оставивъ женъ и дѣтей. Юрта одного изъ этихъ сыновей была предоставлена намъ.

Родовая связь у киргизовъ Семирѣченской области довольно сильна. Это и понятно. При неразвитости земледѣлія, которое носитъ второстепенный подсобный характеръ, кормиться самостоятельнымъ трудомъ негдѣ, создается экономическая зависимость отъ старшихъ: они даютъ лошадей, даютъ скоть. Жену покупаютъ за калымъ, который даетъ отецъ. Если послѣдній бѣденъ, то приходится отказываться отъ брака и долго собирать средства; если же онъ даетъ калымъ, то создается зависимость семейная. И вотъ юрта родоначальника остается въ центрѣ, а юрты другихъ ставятся вокругъ нея. Чѣмъ родовитѣе человѣкъ, тѣмъ больше у него вліянія: хотя бы онъ и не былъ очень богатъ, его выбираютъ въ старшины, въ бій (судьи). Когда какой-либо родъ побѣждаетъ на выборахъ, а это нерѣдко обусловлено всевозможными ухищреніями: подкупомъ писаря, фиктивнымъ исчисленіемъ кибитокъ, — тогда побѣжденному роду приходится солопо. Казангапъ принадлежитъ къ партіи побѣдителей. Выше его находится джайлау народнаго судьи, принадлежащаго къ противной сторонѣ.

Казангапъ и бій разсорились, и это понятно. Партія побѣдителей едва ли оставитъ прежній составъ народныхъ судей: это было бы опасно, такъ какъ сѣзды народныхъ судей и судьи въ отдѣльности нерѣдко пользуются своею властью, чтобъ обвинять нежелательныхъ имъ лицъ въ фиктивныхъ преступленіяхъ. Злоупотребленія и паразительные архаизмы киргизскаго народнаго суда и судопроизводства всѣмъ извѣстны. Стоитъ сказать, что въ доказательство уплаты денегъ судьи нерѣдко требуютъ отъ сторонъ цѣлованія пятокъ противника.

На другой день (это было 14-го іюня) мы отправились еще выше въ горы. Дорога была очень трудна: приходилось переѣзжать бурныя рѣчки, подыматься по крутымъ утесамъ, по скользкой, вьющейся вивтомъ тропинкѣ. Отъ постоянного дождя каменные склоны горъ особенно скользки, и подъемъ очень опасенъ. Лошади то и дѣло спотыкаются. Одно время тропинка въ аршинъ — полтора шириной идетъ надъ бездною. Невольно начинаешь думать о томъ, за какой кустъ схватиться при паденіи. И вдругъ тропинка опускается внизъ въ узкое ущелье, гдѣ вода идетъ подо льдомъ и гдѣ видно лишь, какъ она бросается внизъ съ горъ, теряется и потомъ вновь выбивается на свѣтъ изъ-подъ сѣрой грязноватой массы

снѣга, прикрывающей ледъ. По этому естественному мосту маленькаго ледника приходится ѣхать и намъ. Въ одномъ мѣстѣ изъ горы била широкая, горячая струя, отъ которой подымался парь. Струя падала лентой въ пропасть.

Старикъ, девяноста лѣтъ отъ роду, отецъ Казангана, расположился на джайляу выше всѣхъ своихъ сородичей. Мы доѣхали къ нему и были у подножья снѣговъ, но до вершины было отсюда все еще очень и очень далеко. Чѣмъ выше подымаешься, тѣмъ дальше она уходитъ. Впрочемъ, чувствовалась уже замѣтно значительность высоты. Голова кружилась при взглядѣ на потокъ, струившійся внизу. Отъ юрты до юрты съ непривычки было трудно добраться безъ палки: такъ крутъ былъ подъемъ.

Старый Байбековъ, въ знакъ уваженія, приложилъ, здороваясь съ нами, свою руку ко рту и лбу. Онъ уже зналъ о прїѣздѣ чиновниковъ въ горы. У киргизовъ своя почта. Всякая новость разнесется по степи и въ горахъ, какъ будто по телеграфу. Завидитъ праздный всадникъ какую-нибудь незнакомую фигуру, онъ остановится, острый взоръ его опредѣлитъ сейчасъ, кто ѣдетъ. За много верстъ этотъ проницающій взоръ видитъ все вокругъ, и киргизъ сейчасъ же снѣшитъ сообщить о новости своимъ роднымъ и сосѣдямъ. За хорошую новость полагается «суюпча», особый подарокъ.

Во время поѣздки внизу, въ равнинѣ, мнѣ пришлось встрѣтиться съ бѣднякомъ киргизомъ, у котораго, яко бы за потраву, отняли таранчи барана. Благодаря мнѣ, баранъ былъ возвращенъ. Объ этомъ скоро узнала вся волость. А такъ какъ таранчи и казаки нерѣдко обираютъ киргизовъ во время ихъ перекочевокъ, то всѣ обрадовались русскому чиновнику, который, по ихъ мнѣнью, присланъ для защиты киргизовъ. Вотъ почему старикъ Байбековъ сталъ сразу же жаловаться мнѣ на обиды, которыя терпитъ киргизскій народъ.

— Что вы, — говорилъ онъ: — слышите что ли? Развѣ вы не видите, какъ у насъ отняли землю, воду, джайляу. Мы не можемъ теперь прійти свободно на пастбище, но дорогѣ насъ грабятъ и таранчи и казаки, перекочевка обходитъ и каждый разъ до пятидесяти рублей отдайте намъ землю и пастбище или убейте совѣмъ.

Жалобамъ не было конца.

«Мы — овцы, таранчи — волки, а русскіе — прямо тигры. Въ городъ нельзя прїѣхать безъ джигитовъ (молодыхъ людей), такъ какъ всякій мальчишка бросаетъ камнемъ. Казаки забираютъ уже и джайляу. Рядомъ съ нами они строятъ деревянные дома и пасутъ свой скотъ, вытѣсняя киргизовъ съ ихъ родовыхъ пастбищъ, которыя не смѣетъ у нихъ никто отнять». На джайляу каждый ручей носитъ названіе какого-нибудь изъ умершихъ предковъ, на джайляу поминаются умершіе (троекратное въ сутки пѣніе женщинъ и тризны), на джайляу готовится и пьется священнѣйшій веселящій напитокъ, кумысъ. Киргизъ откажется отъ чего угодно,

ТИПЫ КИРГИЗОВЪ.

но только не отъ джайлау—кочевой народъ, народъ скотоводовъ не можетъ ничѣмъ дорожить больше, чѣмъ горными пастбищами и высокими, до снѣговъ доходящими, сочными альпійскими лугами.

Мы пили чай съ баурсаками. Это печенье въ барашемъ салѣ хлѣбны, величиной и формой напомипающіе конфеты-подушечки. Они были разбросаны на достарханѣ, какъ называютъ киргизы скатерть, разстилаемую во время ѣды на коврѣ. Сквозь дверь юрты видѣлись высокія горы, закрывающія небо, съ огромными вѣковыми елями, съ шумящими потоками, сверкающими бѣлой пѣной, и пельзя было не понять любовь киргизовъ къ ихъ горному простору. Первобытная жизнь, легкая, свободная отъ тяжелаго труда, ты создана не для двадцатаго вѣка!

Жалобы киргизовъ преувеличены. Горныя пастбища отъ нихъ никто пока не отнимаетъ, но, дѣйствительно, свобода ихъ шагъ за шагомъ все болѣе и болѣе стѣсняется. Скотопротонныя дороги въ двѣ-три версты шириною, проложены по плодородной мѣстности. Конечно, онѣ запахиваются заимщиками, которые ловятъ киргизскій скотъ и требуютъ выкупа за потраву. Съ берданкой въ рукахъ, казакъ прощипаетъ и въ горы, но обыкновенно онъ не заходитъ далеко вглубь ихъ, ограничиваясь устройствомъ пасѣнки или выпасая немногочисленный скотъ. Едва ли не болѣе врагъ киргиза въ горахъ—интересъ лѣсного хозяйства. Для охраненія молодого лѣса отъ киргизскаго скота полезно ограничить ихъ доступъ въ нѣкоторыя горныя щели. Тѣмъ болѣе, что лѣсникъ, получающій восемь рублей въ мѣсяцъ и обязанный содержать на эти деньги и себя и двухъ лошадей, не можетъ существовать безъ взятокъ и щедро продать казенный лѣсъ.

Въ одной изъ юртъ, окружавшихъ отведенную для насъ, жили двѣ вдовы съ дѣтьми. Три раза въ день олѣ опускали красивую занавѣску и за нею пѣли свою печальную пѣсню о покойныхъ супругахъ. Младшая вдова находится въ полномъ подчиненіи у старшей, и на нее кричатъ даже дѣти старшей вдовы. Киргизы обыкновенно берутъ вторую жену съ разрѣшеніи «бейбише», какъ называется первая, старшая жена, которая бываетъ рада получить себѣ подчиненную ей помощницу въ хозяйствѣ. Характерно, что у девяностолѣтняго старика Байбекова и у пятидесятивосьмилѣтняго нашего хозяина были грудныя дѣти. А обѣ вдовы, какъ я замѣтилъ, очень охотно переминивались съ джигитомъ. Послѣдній необыкновенно доволенъ путешествіемъ. Его угощаютъ, сажаютъ на почетное мѣсто (джуварчикъ), исполняютъ его приказанія, а работы у него нѣтъ никакой, если не считать укладен вещей и исполненія нѣкоторыхъ порученій.

Я спрашивалъ, какъ существуютъ джигиты уѣздныхъ управленій, получающіе сто рублей жалованья въ годъ. Оказалось, что всякій разъ, когда они пріѣзжаютъ съ пакетами, имъ обязаны, кромѣ

угошенія, давать подарки, и эти подарки бывають иногда очень цѣнные, вотъ отчего такъ боится киргизы и тараичи появленія джигита. Всякій чиновникъ въ ихъ глазахъ источникъ зла. Когда я позвалъ одного киргиза написать расписку, въ томъ, что онъ получилъ деньги за лошадь, бѣдняга дрожалъ, какъ основной листъ, его рука не могла держать пера, и онъ потомъ съ жалобой спрашивалъ джигита, что это на него написали.

Въ общемъ, все физиономіи дикарей. Дѣти сзади подстрижены, а спереди висятъ космы. Дѣвушки некрасивы. Женщины еще хуже, онѣ грубѣютъ отъ тяжелой работы безъ отдыха и изнуряются отъ недосыпанія.

У одной юрты сынъ моего хозяина поссорился съ ея обитателями, и чуть не произошла драка. Остервенѣвшая женщина взялась за дубину, мальчишка бросилъ топоромъ, сквернословія и ругательства выкрикивались дикимъ голосомъ, и ссорившихся еле удалось успокоить, разогнавъ ихъ нагайками.

Поѣздка въ горы, несмотря на то, что дождь шелъ почти не переставая, несмотря на холодъ и на то, что часто ваетъ окутывалъ густой туманъ, закрывая отъ глазъ всю великолѣпную картину, была все же очень пріятна и интересна.

Въ дневникъ свой подъ впечатлѣніемъ первой поѣздки въ горы я занесъ маленькое стихотвореніе, названіе его «Киргизскіе мѣтвы»:

У подножья вершины одной,
Гдѣ холодной и сильной струей
Длинный путь свой ручей начинаетъ—
Тамъ могильнымъ сномъ почиваетъ
Чарыкъ-бай, молодой волостной.
Подъ тяжелымъ, высокимъ холмомъ,
Гдѣ одишь лишь скалы кругомъ
И не видно, не слышно людей—
Тамъ Чарыкъ «бѣлусъ» спитъ ¹⁾,
Выше всѣхъ онъ зарытъ.
Тѣсною группой родныхъ и друзей.
Когда тихо и ясно, то вѣ вечера
Близъ могилы, у самыхъ истоковъ ключа,
Двѣ вдовы Чарыкъ-бая проводятъ
И, тоскуя о мужѣ покойномъ своемъ
Онѣ грустную пѣсню заводятъ:
«Зовутъ тебя, о добрый бай,
Двѣ неутѣшныя вдовы,
Откликнись, голосъ свой подай,
Себя и счастье намъ верни».
Но все молчитъ. Послѣдній лучъ
Блеснулъ и за горою скрылся.
И только шумный горный ключъ
И день и ночь въ ущельѣ бился

¹⁾ Бѣлусъ—киргизское названіе волостного.

Чтобъ получить вѣрныя свѣдѣнія, касающіяся киргизскаго хозяйства, было полезно сдѣлать еще одну большую экскурсію въ горы на такое джайлау, гдѣ на лѣто собирается нѣсколько волостей. Подобной мѣстностью является «Тургенское джайлау», на востокъ версть шестьдесятъ-семьдесятъ отъ Вѣрнаго. Поѣздка на это джайлау дала мнѣ еще больше впечатлѣній о жизни и характерѣ киргизовъ. Мы совершили ее въ началѣ іюля.

II.

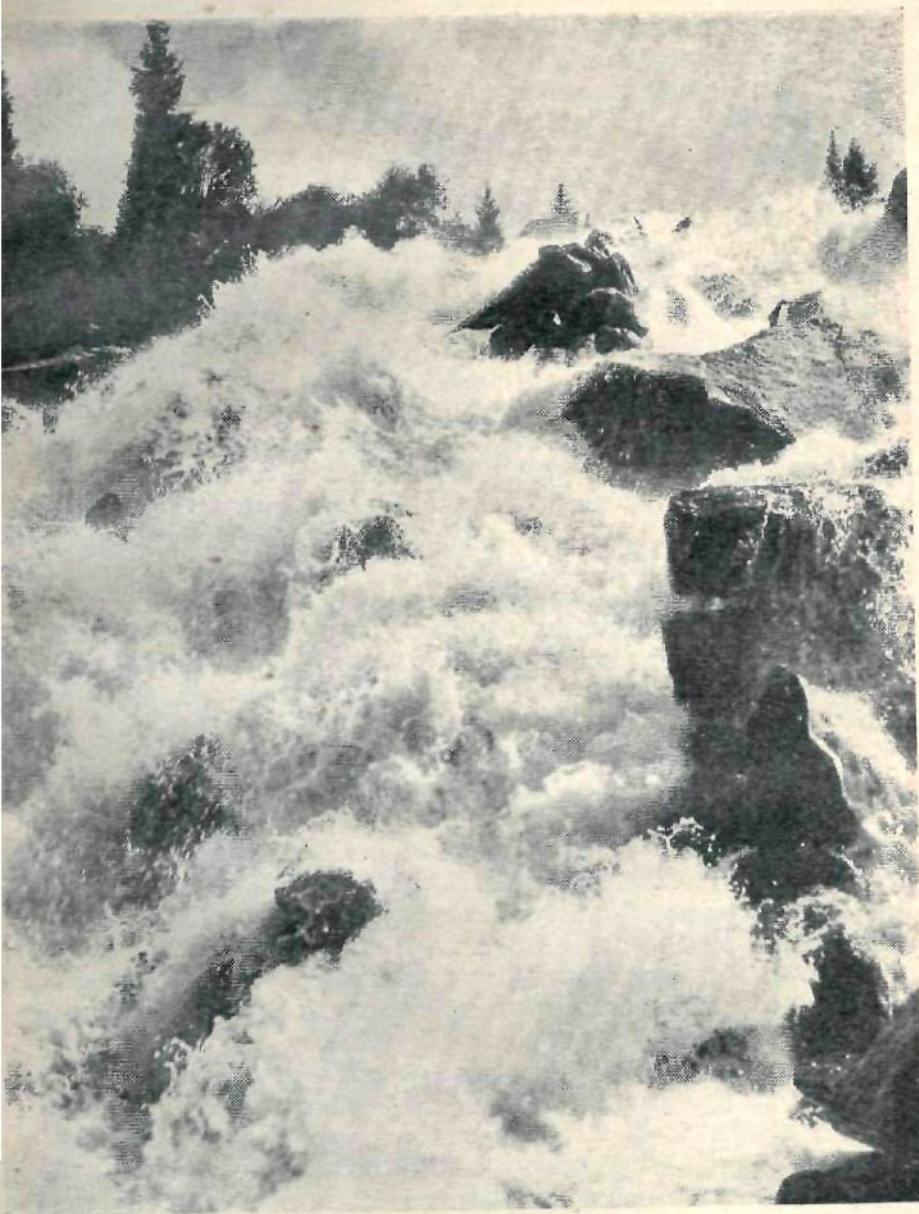
Жизнь киргизовъ въ горахъ.

Выборы.—Администрація.—Переваль Бозь-Унгень.—Обстановка богатой юрты.—Похороны.—Свадьба.

Ущелья Талгара дики и величественны, но въ нихъ нѣтъ простора. Горы изумруднаго озера Иссыкъ очаровательны, какъ и тотъ дивный самоцвѣтъ, что лежитъ на днѣ ихъ. Онѣ, однако, какъ гордыя красавицы, соблазнительны, но неприступны и непривѣтливы. Совсѣмъ иного типа тѣ горы, въ которыхъ начинается рѣка Тургенъ. Онѣ сравнительно покаты, въ нихъ нѣтъ недосыгаемыхъ, вѣчно сіяющихъ снѣжныхъ вершинъ, и между отдѣльными отрогами и развѣтвленіями горнаго хребта то и дѣло попадаются широкія, зеленыя долины. Въ этихъ долинахъ собирается много киргизскихъ волостей, и веселая, беззаботная жизнь кипитъ здѣсь все лѣто, отъ середины мая почти до конца іюля или начала августа, когда становится холодно, выпадаетъ снѣгъ и начинаютъ вновь серебриться недавно потемнѣвшія вершины. Въ теченіе всего лѣта Тургенскія горы кормятъ киргизскій скотъ, но остаются зелеными и снѣжными и богатыми сочною травою.

Тургенскія горы изобилуютъ удобными и широкими долинами. Какъ часто бываетъ въ горахъ, эти долины открывались глазу путника совершенно неожиданно. Только что проѣхали одно узкое ущелье, какъ будто разсѣлину скалы, и попали черезъ искусственныя ворота на луга, гдѣ одна подлѣ другой расположились десятки юртъ, какъ уже снова очутились въ узкомъ, темномъ ущельѣ, гдѣ прозрачный ручей катилъ и ворочалъ по темному, блестящему дну острые валуны. Деревья висѣли надъ головой, какъ бы грозя свалиться. Ущелье не расширялось. Впереди видна была густая чаща. И вдругъ одна стѣна ущелья уходитъ, и передъ глазами открывается вновь широкая и длинная, Богъ знаетъ гдѣ кончающаяся долина.

На одной изъ этихъ Тургенскихъ долинъ увидѣли мы всадниковъ безъ числа. Прямо жутко было съ непривычки видѣть такое множество чуждыхъ своему племени людей въ остроконечныхъ шапкахъ, широкихъ шароварахъ и теплыхъ армякахъ, ко-

Водонадъ Большой Алматинки.

торые собрались въ этой долинь и ѣхали туда со всѣхъ сторонъ по склонамъ горъ. Нашъ джигитъ, увидѣвъ эту песчаную киргизскую «силу», пришелъ въ экстазъ; не спросивъ разрѣшенія, онъ съ гикомъ и пропительнымъ свистомъ помчался карьеромъ въ толпу и скоро скрылся изъ виду.

Скоро мы узнали, въ чемъ дѣло. Черезъ недѣлю ожидались выборы волостныхъ и аульскихъ старшинъ, и здѣсь собрались выборщики для агитаціи и предварительныхъ обещаній возможныхъ кандидатуръ.

Въ центрѣ поляны, гдѣ толпище было особенно густо, видно было, какъ время отъ времени сталкивались между собою отдѣльныя группы, слышались оттуда буйные крики и глухой гулъ одобренія и недовольства. Одному киргизу выбили глазъ, и драка приняла серьезный оборотъ. Иногда кровопролитія на выборахъ («сайляу») бываютъ очень жестоки и серьезны.

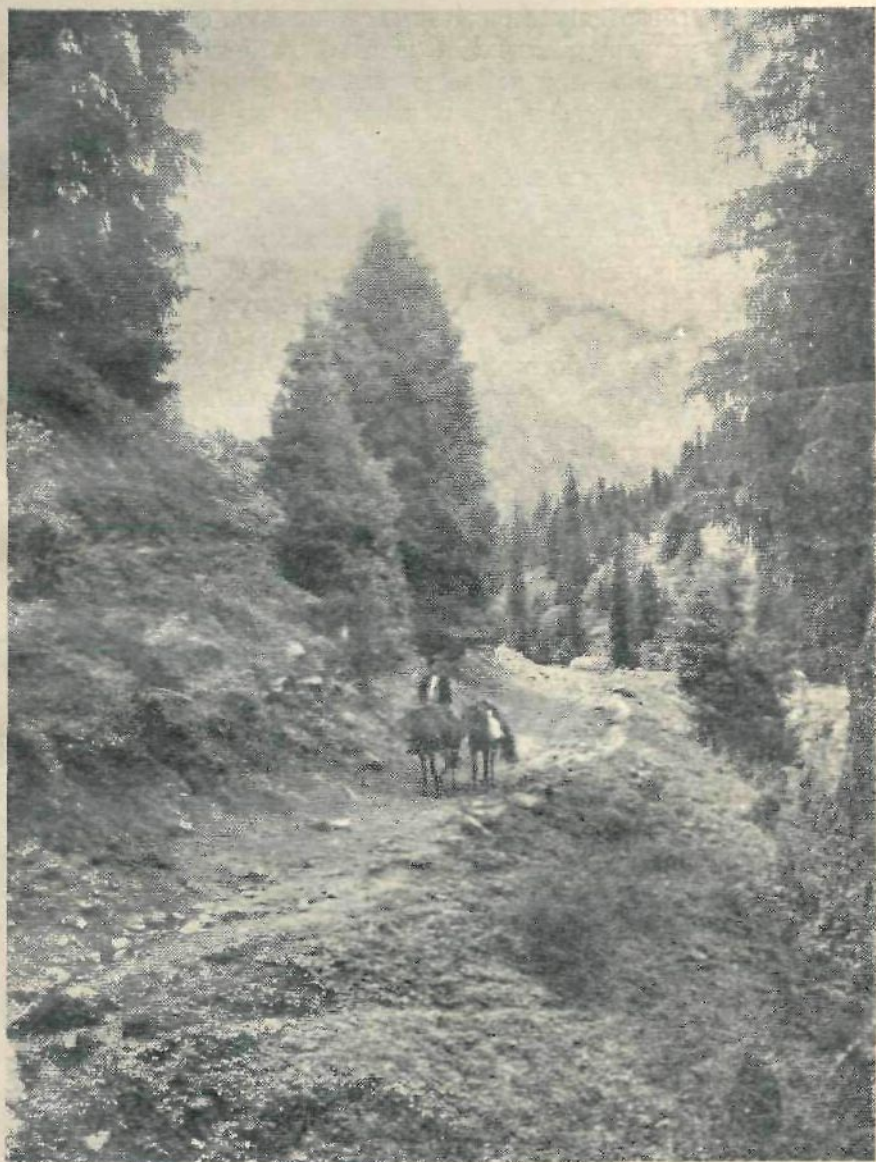
Подъѣзжаемъ ближе. Передъ нами въ разныхъ мѣстахъ плотные круги всадниковъ; посреди круга сидятъ на корточкахъ старики и совѣщаются. Молодежь ждетъ рѣшенія. Въ другихъ мѣстахъ свистутъ нагайки, видны дерущіеся, и полицейскіе джигиты скачутъ разнимать ихъ. Къ намъ подъѣзжаетъ киргизъ и проситъ размѣнять десятирублевку. Мѣняемъ, онъ благодаритъ и быстро уѣзжаетъ. Ему нужны серебряныя монеты для подкуновъ.

Таковы предвыборныя собранія. Интересное и поучительное зрѣлище, воочію представляющее «достоинство» выборной системы у некультурнаго населенія. Сколько жестокости, лжи, подлоговъ вызываютъ эти выборы.

Волостному дорого обходится полученіе мѣста, по еще дороже обходится это мѣсто всей киргизской волости. Послѣ своего утвержденія въ должности волостной назначаетъ каждой кибиткѣ, что она должна ему подарить («вара-чигинъ»). И вскорѣ ему пригоняютъ табуны лошадей, стадо барановъ, приносятъ кошель съ рублями и много всякаго другого добра. Выгодно быть волостнымъ, и потому клятвамъ при выборахъ нѣтъ конца. Въ канцеляріи приставовъ (участковыхъ начальниковъ) поступаютъ одна за другою жалобы и допросы, цѣль которыхъ опорочить нежелательныхъ кандидатовъ и устранить опасныхъ соперниковъ.

Между тѣмъ, мы уже проѣхали долину и снова подымались въ горы. Стало вечерѣть и намъ предстояло пайти подходящий ночлежь.

Остановились мы у волостного тургенскихъ киргизовъ. Это настоящій «бай», выхолонный, съ умнымъ лицомъ, съ замашками челоуѣка, привыкшаго показывать свою власть. Онъ отвѣчаетъ медленно, съ достоинствомъ, какъ будто позѣывая и ожидая, когда, наконецъ, отвяжутся. Эта манера очень цѣнится рядовымъ киргизомъ, который диву дается, какъ можно такъ не бояться начальника (тюре). Костюмъ у него болѣе эlegantный, чѣмъ у другихъ. Чистая

Малое Алматинское ущелье.

бѣлая рубаха у шеи переходить въ отложной, не накрахмаленный, но все же стоячій воротничекъ, а на груди скрѣплена чѣмъ-то въ родѣ галстука. Дочь этого волостного вмѣсто платка, какъ обыкновенныя киргизки, носитъ на головѣ мѣховую круглую шапку. По курьезному совпаденію прихотливыхъ вкусовъ, форма ея напоминаетъ тѣ уродливыя женскія шляпы, которыя посятъ европейскія модницы — трудно даже сказать, что болѣе карикатурно: шляпы европейскихъ женщинъ съ чудовищными полями и необыкновеннымъ перомъ, или азіатскій женскій цилиндръ съ серебрянымъ позументомъ, какой-то кисточкой на доньшкѣ и мѣхомъ, шириной съ доброе боа, вмѣсто поля. Первое на Тургенскихъ горахъ, Тюре-джайлау бѣдно лѣсомъ, но имѣетъ свою прелесть — широкіе виды черезъ щели низкаго сравнительно кряжа на Привлійскую долину и Джунгарскій Алатау.

Въ той же мѣстности, гдѣ мы остановились на ночлегъ, еще версты на полторы-двѣ выше въ горы жилъ приставъ Тургенскаго участка, штабель-капитанъ В. Это былъ молодой симпатичный и интеллигентный человекъ, гостепріимный, добродушный и веселый, какъ настоящій русакъ.

Полицію Туркестанскаго края правильнѣе называть военною администраціею. Уѣздныя начальники и участковые пристава — офицеры. За немногими исключеніями, личный составъ администраціи стоитъ довольно высоко. Правда, отвѣчать всѣмъ требованіямъ, какія могутъ быть предъявляемы къ начальникамъ уѣздовъ и участковъ, современный составъ ихъ не можетъ. Но это и немислимо при тѣхъ низкихъ окладахъ содержанія, которые теперь выдаются, и при тѣхъ чрезвычайно сложныхъ и отвѣтственныхъ функціяхъ, которыя несетъ администрація. Участковый приставъ не только охраняетъ порядокъ въ своемъ участкѣ, но онъ же въ роли крестьянскаго начальника является судьей по крестьянскимъ дѣламъ, въ роли охранителя благоустройства ему нужно слѣдить за дорогами, мостами, за системою поливныхъ канавъ; за отсутствіемъ врачей и агрономовъ — къ нему обращаются просить лекарствъ и совѣтовъ. И помимо всего этого приходится вести большую переписку, отвѣчать на сотни предписаній, прошеній и т. д. Каждый чиновникъ считаетъ нужнымъ просить у пристава содѣйствія, жаловаться ему на киргизовъ, просить проводника и лошадей. Сколько же надо имъ силы воли, чтобъ не растеряться въ этомъ многообразіи обязанностей, чтобъ сохранить свой авторитетъ и престижъ власти среди кочевого и осѣдлаго населенія на большой территоріи, гдѣ сталкивается столько непримиримыхъ интересовъ и гдѣ столько племенной вражды.

Для пристава выстроена была огромная юрта, сажени три въ діаметрѣ и хотя она стояла выше всѣхъ другихъ юрть, но надъ нею еще была полоса лѣса, и виды кругомъ были восхитительны.

Алматинскій шигъ.

Только 5-го июля, и то съ неохотой, выбрались мы из Турджайлау, гдѣ получили не одно удовольствіе, но и много необходимыхъ и полезныхъ свѣдѣній. Направились дальше. Ѣхали все время горами. Смѣна лошадей черезъ каждые полтора-два часа сильно задерживала насъ. При каждой смѣнѣ приходилось имѣть дѣло со свирѣпыми киргизками, у которыхъ отнимали лошадей джигиты, приходилось разбирать споры и иногда отдавать лошадей, когда претензіи были справедливы. Путь былъ очень интересенъ. Приходилось переѣзжать одну за другой живописныя щели съ могучими елками и шумящими ручьями. Какіе привлекательные и уютные курорты могли бы найти себѣ мѣсто въ Тургенскихъ горахъ, хотя бы въ Кинкпайской щели, гдѣ мнѣ пришлось заочевать. Утромъ солнце уже освѣтило вершины горъ, но въ нашу щель оно долго не могло проникнуть. Высокій восточный склонъ не допускалъ къ намъ солнечные лучи, а они въ горахъ столь же пріятны, сколь мучительны въ долинахъ.

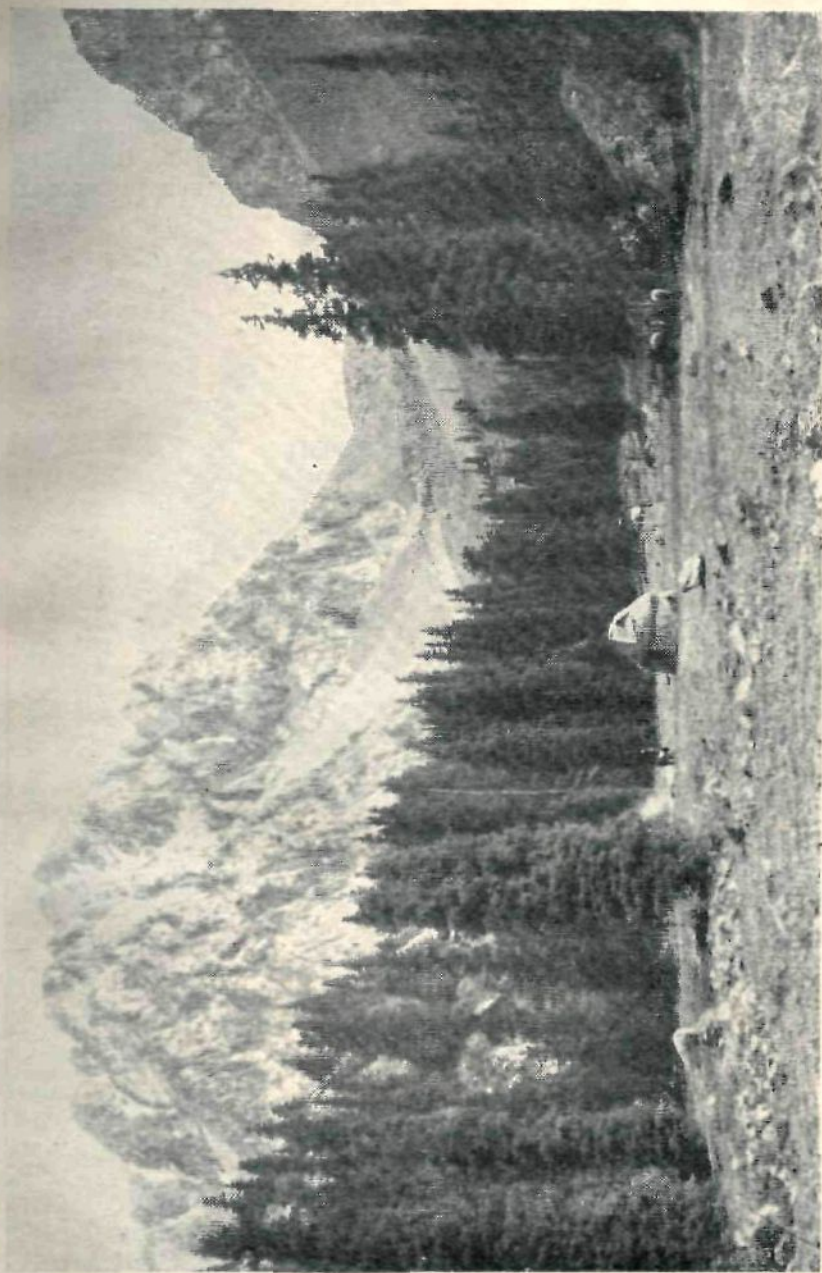
Мы Ѣхали на горное урочище Асы, излюбленное киргизами богатое пастбище. Путь лежалъ черезъ перевалъ Возь-Унгень. Много разъ приходилось намъ мѣнять лошадей, спускаться изъ долины въ долину, Ѣхать по отвѣснымъ горамъ съ непротоптанною тропою, скользить внизъ по влажной травѣ, переѣзжать потоки. Въ одномъ изъ нихъ киргизы съ молчаливой торжественностью купали своихъ громадныхъ овецъ.

Наконецъ послѣ послѣдней стоянки у киргизовъ съ очень подозрительными послами и съ очень непріятными охришими головами (иногда киргизы хрипятъ послѣ слишкомъ крѣпкаго кумыса), мы очутились на перевалѣ. Хотя онъ и считается однимъ изъ легкихъ, но послѣ сильнаго дождя подъемъ по узкой тропинкѣ, то и дѣло граничащей съ бездною, былъ минутами жестокъ.

Одно время вершину окутала туманъ. Нашъ караванъ въ семь лошадей растянулся, и на выходящей тропинкѣ по очереди вырисовывались въ густомъ туманѣ силуэты проводника, лошадей съ вьюкомъ, джигита. Появятся и снова исчезнутъ, потонувъ въ облакѣ.

Но вотъ блеснула лучъ солнца. Туманъ сталъ безпокойно спускаться въ темныя ущелья, и скоро горизонтъ очистился. Мы на вершинѣ въ девять тысячъ футовъ, впервые занимая доминирующее положеніе. Свѣтъ темными, грязными пятнами закрывалъ перовныя мѣста. На самомъ высокомъ мѣстѣ могила: надъ прахомъ какого-то киргиза навалена кучка камней. Мы выше полосы лѣса. Отъ послѣднихъ деревьевъ отдѣляютъ насъ альпійскіе луга съ небольшою травкой и бархатпетыми эдельвейсами.

Какой просторъ къ югу! Подъ нами спускаются все ниже и ниже цѣпи горъ, среди которыхъ мы еще недавно Ѣхали. За нами открывается Припильская долина, съ темнѣющими на ней селеніями и линіями арыковъ. Далеко-далеко она уходитъ, и чуть за-

Иссыкское ущелье

мѣтно вырисовываются въ одномъ сѣверо-восточномъ углу горы Джунгарскаго Алатау. По обѣ стороны отъ насъ сіяютъ ледшны, а новый спускъ ведетъ въ длинную безлѣсную долину, которая, по имени протекающей черезъ нее рѣчки, называется Асы.

Сильныя душевныя переживанія лучше выражаются поэзіей, чѣмъ прозой, и у киргизовъ немало сложилось пѣсень, гдѣ они воспѣваютъ красоту родной имъ природы. Духу этихъ народныхъ пѣсень соответствуетъ навѣянное впечатлѣніями горнаго перевала стихотвореніе:

НА ВЕРШИНѢ.

Въ своихъ сновидѣніяхъ.
Мечталъ я порой,
Хоты бѣ на мгновенье
Уйти въ край другой.

Здѣсь счастье тлетворно
Здѣсь зависть и слезы,
А тамъ такъ просторно...
Тамъ сладкія грезы...

И вотъ на мгновенье
Я вдругъ окрылился
И не въ сновидѣніяхъ
Съ землей разлучился.

Взобрался я въ горы,
Гдѣ облако спало
И, съ вѣтромъ повздоривъ,—
Въ ущелье упало.

Я гордостью полонъ
Стою на вершинѣ,
И вѣтеръ лишь вольный
Соперникъ мнѣ нигдѣ.

И морю простора
И вѣчнымъ сибгамъ,
Отдалъ свои взоры—
Отдался я самъ.

Итакъ, нашъ путь лежалъ на Асы. Огромная, однообразная горная долина Асы приводитъ киргизовъ въ восхищеніе. Они любятъ ея больше, чѣмъ темно-зеленымъ озеромъ Иссыкъ, чѣмъ горными водопадами и необозримыми горизонтами, открывающимися съ вершинъ. Эстетическіе вкусы различны. Киргизу правится горное пастбище, крестьянину—гучная пашня, охотнику—лѣсъ и болото. Я помню, какъ на пароходѣ изъ Одессы крестьянинъ-паломникъ отзывался о Палестинѣ. «Гдѣ ужъ тамъ быть красотѣ, когда хлѣба-ть нигдѣ не видно». Въ эстетикѣ простаго человѣка сильно

сказывается бессознательное влеченіе къ полезному, здоровому, нужному. И въ этомъ нельзя не усмотрѣть самый смыслъ эстетическаго чувства, ставящаго человѣка въ лучшую для него обстановку. У насъ, интеллигентовъ, эта здоровая эстетика усложнилась и извратилась. Мы можемъ восхищаться и горами, и равнинами, и лѣсами, и зарослью камыша, и «красной» и «блѣдной дѣвицей».

«Красивые» Асы привлекаютъ къ себѣ киргизовъ четырехъ волостей. Надо замѣтить, что на джайлау и кстау (зимовья пастбища) киргизы тоже рѣдко остаются на одномъ мѣстѣ. Больше изъ традиціи, чѣмъ изъ дѣйствительной необходимости, они продолжаютъ кочевать и здѣсь, но, конечно, сравнительно на небольшія разстоянія.

По дорогѣ къ Нарыну.

Мы остановились у почтеннаго бія (народнаго судьи). Хозяинъ нашъ не обладалъ большимъ умомъ, но зато былъ очень добродушенъ. Онъ, несомнѣнно, богатъ. Судьей онъ тридцать лѣтъ и за службу свою награжденъ медалью. Въ юртѣ бія было на что посмотреть: здѣсь красивыя сѣдла и упряжь, убранныя металлическими украшениями и камнями, всевозможныя женскіе платки, мѣховыя шляпы для дѣвушекъ, вышитыя коржуны (мѣшки для вьюка), хорошіе ковры, красивая плетеная коробка для чашекъ (кисе), которыя плотно укладываются въ нее одна въ другую. Коробка перетянута обручами; крышка ея костяная—узорчатая. На видномъ мѣстѣ стоитъ большая швейная машина. Это была первая за мое путе-

шествіе такъ богато обставленная юрта. Такъ какъ на Асы приѣзжаютъ почти исключительно богачи, то я насмотрѣлся здѣсь вдоволь на такія юрты. Особенно хороши онѣ у киргизовъ Кызылбургской волости. Эти киргизы живутъ въ окрестностяхъ Асы постоянно и потому перевозятъ съ собою зимнія юрты. Въ глиняныхъ землянкахъ киргизы зимуютъ лишь при сильныхъ холодахъ, обычно предпочитая юрты. Я видѣлъ въ юртахъ кызылбуржцевъ стеклянные шкапы и деревянныя кровати съ красиво украшенными фигурными ножками, а на стѣнахъ—ружья и шапки старинныхъ образцовъ, напоминающихъ времена Запорожцевъ. Изъ Кызылбургской волости выходитъ много баранчачей (занимающихся грабежомъ), конокрадовъ и охотниковъ.

Обѣзжая аулы различныхъ волостей, я замѣтилъ возлѣ нѣкоторыхъ юртъ подмоетки. На нихъ сушился овечій сыръ (куртъ). Это только намекъ на будущее развитіе молочнаго хозяйства.

У одной изъ юртъ было большое оживленіе: готовились къ поминкамъ. Годъ тому назадъ умеръ здѣсь богатый бай. Похороны у киргизовъ совершаются такъ: тѣло заворачиваютъ въ особаго рода саванъ, называемый ахретъ. Последній состоитъ изъ нѣсколькихъ простынь—трехъ для мужчины и пяти или семи для женщины. Простыни сшиты изъ тонкой бѣлой тапкентской ткани, холста или марли. Ахретъ затягиваютъ надъ головой, въ талии и ступняхъ покойника; руки покойника всегда вытянуты вдоль тѣла. Для могилы киргизы обыкновенно выбираютъ возвышенную холмистую мѣстность по близости старыхъ могилъ, на краю какого-нибудь кургана или даже на самомъ курганѣ. Трупъ привязываютъ къ оглоблямъ съ подмоеткомъ изъ досокъ въ родѣ саней, впрягаютъ лошадь и волокутъ къ приготовленной могилѣ. Родные и знакомые, мужчины и женщины сопровождаютъ процессію верхами. Когда тѣло зарыто и надъ могилою насыпаны каменья, всѣ возвращаются домой и, приближаясь къ аулу, разомъ съ крикомъ пускаютъ лошадей во весь опоръ. Мчатся съ такою быстротою, что многіе падаютъ съ лошадей и разбиваютъ себѣ головы. Затѣмъ съ плачемъ слѣзаютъ съ лошадей, здороваются другъ съ другомъ и при общей тишинѣ мулла читаетъ коранъ.

Послѣ поминокъ присутствовавшимъ раздаются въ видѣ подарковъ различные предметы домашняго обихода, принадлежавшіе покойному. Первые три дня въ юртѣ покойника нельзя варить пищу, если не перенесутъ юрту на новое мѣсто.

Цѣлый годъ послѣ этого три раза въ день жены или сестры, смотря по тому, холостой или жепатый былъ покойникъ, должны пѣть импровизованныя пѣсни, и вотъ черезъ годъ совершаются поминки (асъ)¹⁾. Кучками по три человѣка располагаются на корточкахъ

¹⁾ Поминки устраиваются состоятельными людьми на седьмой, двадцатый и сороковой день, но обязательно онѣ только разъ.

киргизы и молча, священнодѣйствуя, ѣдятъ мясо барановъ, коровъ и козлятъ. Это послѣдняя дань покойнику. Поминки бываютъ очень грандіозны. Вотъ описаніе такихъ поминокъ. «Собралось на поминальный пиръ до двѣнадцати тысячъ человекъ... Пришли поѣсть и повеселиться, а главное—принять участіе въ скачкахъ. Сынъ достойно почтилъ память отца. Онъ самъ только лишь на одну ѣду истратилъ изъ отцовской кубышки четыреста рублей денегъ да зарѣзалъ двухъ кобылъ и для плова привезъ четыре батмана риса... Вліятельные близкіе родственники выставили сто юртъ и отъ каждой юрты по барану, а родовичи разставили двѣсти кибитокъ. Четыре дня поминали покойнаго, проводя время то на его могилѣ въ молитвѣ, то за ѣдой. Въ промежуткахъ выѣзжали на соколиную охоту и устраивали пробныя скачки» 1).

Послѣ поминокъ жены покойнаго свободны, переходятъ къ братьямъ или выходятъ за другихъ. Пѣніе прекращается, и юрта становится веселѣе.

Въ то время, какъ въ одной волости пронеходили печальныя поминки, въ другой праздновалась свадьба (той). Днемъ джигиты устраиваютъ различныя игры, на скаку поднимаютъ козленка, стаскиваютъ другъ друга съ сѣдла, перетягиваются, стоя на четверенькахъ, и вообще показываютъ свою ловкость. Забавная игра перетягиванья состоитъ въ томъ, что канатъ, связывающій тряпки, которыми обмотаны шея перетягивающихся, стоящихъ на четверенькахъ спиною другъ къ другу, проходитъ между ногъ ихъ и перетянутый, благодаря этому, кувиркается. Съ полудня начинается пѣніе. Разряженные дѣвушки сидятъ въ юртѣ, закутавшись въ платки поверхъ мѣховыхъ шапокъ, а парни на корточкахъ возлѣ юрты запѣваютъ и отвѣчаютъ на пѣсни дѣвушекъ своими пѣснями. Идетъ все время свободное, пріуроченное къ обстоятельствамъ сложеніе пѣсень, которыя слушаютъ гости. Время отъ времени подается чай съ баурсаками, изюмомъ и сахаромъ, а потомъ мясо и кости барана, котораго съѣдаютъ такъ, что почти ничто, кромѣ шерсти, не остается. Ѣдятъ даже очищенные и поджаренныя кишки.

Мы понали на «той» вечеромъ, когда уже свѣтиль во всю молодой мѣсяцъ. Заросшая елками гора казалась черною стѣною. Потокъ, освѣщенный луною, казался серебрянымъ. Воздухъ былъ свѣжій и ароматный. Мы пробирались верхомъ въ глубь щели, не зная дороги, прислушиваясь, гдѣ пѣніе.

Пролетѣлъ метеоръ, оставивъ блестящій хвостъ; скрылась за горою луна; щель стала уже, темпѣе; шумъ потока усилился. Проѣхали какой-то аулъ. Залаяли собаки, заворочались безпокойно

1) См. I. А. Кастанъ «Надгробныя сооруженія киргизскихъ степей», стр. 93, см. также 77—92. Оренбургъ, 1911 года. Параллельный текстъ на французскомъ Castagné «Les monuments funéraires».

овцы и слова шикого. Наконецъ послышались неясные звуки людскихъ голосовъ, и скоро рокоть ручья смѣшался со звуками свадебныхъ пѣсень: пѣли разомъ въ двухъ юртахъ.

Послѣ моего прѣзда, какъ мнѣ передалъ переводчикъ, дѣвки и парни пѣли приблизительно такъ:

Прѣхать бай къ намъ на джайляу,
 Онъ, вѣрно, счастье намъ привезъ,
 Иначе Богъ зачѣмъ занесъ
 Его такъ высоко надъ кстау ¹⁾.
 — Молчите, дѣвки молодья,
 Не можетъ счастья онъ вамъ дать:
 Бай бѣлой кости; вы дурныя,
 Ему, навѣрно, не подѣ стать.
 — Ну, вы, джигиты, не дразните
 И мы, вѣдь, тоже не для васъ,
 Вы лучше жешъ себѣ ищите
 Въ другомъ аулѣ—не средь насъ.
 — А кто еще не такъ давно
 Съ удалымъ Дюссембе бѣжалъ?
 Но развѣ хуже другъ его,
 Чтобъ онъ сестры ея не взялъ.

Отвѣтъ парней замѣтно оживляетъ присутствующихъ, такъ какъ содержитъ намекъ на личныя отношенія двухъ изъ поющихъ. Дѣвушки продолжаютъ кокетничать, но постепенно переходятъ на другую тему. И чего только они не перебираютъ въ своей безконечной пѣснѣ, въ которой рѣзко замѣняется или восполняется речитативомъ.

Народу набилось въ юрты полнымъ-полно, и, кромѣ того, любопытные тѣснымъ кольцомъ стояли вокругъ юртъ подѣ открытымъ небомъ. Женихъ не смѣетъ смотрѣть на невѣсту, онъ получить ее только въ полночь, а на другой день, когда соберется увозить ее въ свой родной аулъ, онъ долженъ будетъ откунаться и отбиваться отъ бабъ. Зато до полночи онъ можетъ вольничать и съ бабами и съ дѣвушками. Впрочемъ, теперь заводятся строгости. На описываемой свадьбѣ какой-то молодой киргизъ грозно помахивалъ нагайкой и время отъ времени пускалъ ее въ ходъ для наведенія порядка.

III.

Приключенія на обратномъ пути съ горъ въ долину.

Ярмарка въ горахъ.—Трудности доставки лошадей.—«Документы» султана.—Лопный барантачъ.—Киргизы земледѣльцы (египци).

10-го июля мы собрались обратно въ Пріилійскую долину, но такъ, чтобъ выѣхать въ нее верстъ на шестьдесятъ восточнѣе того селенія, изъ котораго уѣхали. По дорогѣ мы посѣтили кочевую

¹⁾ Въ Семирѣчьи джайляу—лѣтовки обычно въ горахъ, гдѣ скотъ спасается отъ мухъ и оводовъ; кстау—зимовки въ равнинѣ, гдѣ менѣе чувствительны холода.

Нищій киргизь.

ярмарку. Ярмарка была небольшая, въ одну улицу. По обѣ стороны стояли бокъ-о-бокъ по двадцать—двадцать пять юртъ, обращенныхъ въ лавки. Тутъ все, что нужно для киргизскаго обихода. Посреди красуется двухцвѣтный флагъ. Въ одной изъ юртъ играетъ гармоника. Въ другой тарапчинецъ устроилъ «ашъ-хане» и угощаетъ пельменями по копейкѣ штука.

Послѣ ярмарки стояшки были непріятны. Киргизы, съ которыми пришлось имѣть дѣло, не любятъ начальства и своеволятъ. Еще по дорогѣ я потребовалъ отъ двухъ ѣхавшихъ навстрѣчу старшинъ, чтобъ одинъ изъ нихъ проводилъ меня на ихъ джайлау, нашелъ знающихъ людей и помогъ устроиться съ лошадьми. Оба старшины, мальчишки, выбранные за грамотность, ѣхали медленно, останавливались пить кумысъ, посидѣть на корточкахъ, поплевать, но ѣхать со мной отказались, такъ какъ у нихъ, молъ, неотложное дѣло. Пришлось устраиваться самимъ. Остановился въ юртахъ, поставленныхъ для уѣзднаго начальника на время выборовъ. Послалъ джигита въ ближайшій аулъ за людьми. Пріѣзжаетъ блѣдный и говорить, что сидитъ человекъ сто «партін» (выборы еще не прошли, и оживленные собранія продолжались), а ѣхать никто не хочетъ и лошадей не даютъ. Посылаю тогда къ бію восьмого аула, Сарсыку, бывшему волостному, — тоже не ѣдетъ, говоритъ: нѣтъ «буйрука» (бумаги), а писать было некогда, да и чернила всѣ вышли. Пришлось приказать, чтобъ джигитъ словилъ первыхъ свободныхъ лошадей. (Надо непременно копей, на кобылахъ, по мнѣнію киргизовъ, ѣздить неприлично).

Остановился въ другомъ аулѣ. Ёхаль нарочно медленно и важно. Жилеть украсилъ цѣпочками и всѣмъ, что было блестящаго: свисткомъ и карандашомъ въ оправѣ. Подѣхавъ къ юртѣ аульнаго, возлѣ которой сидѣло много народа, я остановился у самаго ея порога, подождать, пока меня сняли съ лошади, распорядился самымъ строгимъ тономъ, но не спѣша, наотрѣзъ отказался отъ всякаго угощенія и сразу началъ опросъ старшинъ, записывая показанія въ большую книгу.

Важность моя воздѣйствовала. Киргизы рѣшили, что имѣютъ дѣло съ «настоящимъ начальникомъ». Хозяева стали объяснять, что они «другой партін», не такіе люди, какъ тѣ, про которыхъ рассказываетъ джигитъ, и т. д. На другой день лошади были доставлены, но, какъ всегда бываетъ, не изъ того аула, гдѣ мы почевали и, конечно, съ дракой. Пришелъ жалобщикъ, кричить, чтобъ ему показали начальника, что у него есть бумага. Пока я выщелъ, джигитъ побилъ бѣднаго жалобщика, обладателя бумаги, и мнѣ пришлось первымъ дѣломъ усмирять своего разошедшагося Менгли-бая. Бумага жалобщика оказалась старой ненужной повѣткой, которую онъ хранилъ, какъ большую цѣнность. Чтобъ утѣшить его и скорѣе тронуться въ путь, я взялъ этого киргиза лавшой (проводникомъ),

и черезъ нѣкоторое время онъ уже дружелюбно разговаривалъ съ побившимъ его джигитомъ. Разстались мы съ нимъ вполне друзьями, такъ какъ онъ не ожидалъ получить на чай.

Киргизы очень цѣнятъ бумаги съ печатами, официальными штемпелями и печатными буквами. Мнѣ за сорокъ верстъ везъ какой-то киргизъ бумажонку, которую досталъ, разстегнувъ три зипуна и развязавъ кожаный мѣшочекъ. А бумага оказалась «справкой» о томъ, что на неизвѣстномъ обладателю бумаги прошеніи, отмѣченномъ «входящимъ» № 541, сдѣлана помѣтка 18-го іюня уѣзднымъ начальникомъ. Чтобы не разочаровывать обладателя бумаги и того, кто отыскалъ этого киргиза съ бумагой, пришлось «записать» содержаніе «бумаги» въ книжку.

Еще комичнѣе было, когда намъ показали бумаги султана Садыханъ Аблейхановъ. Его отецъ былъ полковникъ, потомственный дворянинъ и кавалеръ ордена Станислава 2-й степени. Всѣ эти отличія были ему даны за то, что онъ привелъ въ русское подданство свою маленькую орду. Толстогузый сынъ султана, похожій на крысу по вѣншему виду, принялъ насъ очень важно и, распорядившись, чтобы угостили кумысомъ, самъ вышелъ изъ юрты. Между тѣмъ сопровождавшіе насъ киргизы успѣли разказать, что молодой баринъ — чиновникъ изъ Петербурга, а, слѣдовательно, отъ «падши» (государя). Мы вышли уже изъ юрты и усѣлись на лошадей, когда султанъ сталъ насъ просить снова къ нему зайти и въ качествѣ приманки обѣщавъ показать «бумаги». Я поддался на это искушеніе и не пожалѣлъ. Здѣсь былъ актъ о распредѣленіи земли и воды между аулами, были грамоты, сопровождавшія награды, былъ высочайшій приказъ о принятіи въ подданство султана и его орды и обѣщаніе «на всяческія времена» освободить киргизовъ отъ воинской повинности, но интереснѣе всего было длинное дѣло объ исключеніи нашего хозяина, сына султана, изъ общества. Здѣсь шелъ сначала общественный приговоръ, гдѣ перечислялись всѣ грязныя дѣла султанова сына, повѣствовалось объ его покровительствѣ ворахъ и вымогательствѣ, объ его лихоимствѣ и злоупотребленіяхъ по должности, затѣмъ слѣдовала объяснительная записка пристава, ходатайствовавшего о неутвержденіи Аблейханова въ должности волостного, такъ какъ онъ подкупилъ выборщиковъ за тысячу рублей и такъ какъ во время выборовъ происходила драка. Потомъ жалоба Аблейханова, написанная очень смѣло, видно, опытною рукою глумника-писаря или какого-нибудь подпольнаго адвоката. Кончилось дѣло тѣмъ, что жалоба Аблейханова была уважена, что его утвердили волостнымъ, надѣлили землей въ двухъ волостяхъ и не утвердили приговоръ общества объ исключеніи Аблейханова. Теперь онъ народный бій, богачъ; сидитъ въ бархатныхъ шароварахъ, пьетъ пьяный, бьющій въ голову, здоровый кумысъ и бахвалится своимъ дворянствомъ, а приставъ, который попробовалъ съ нимъ бороться, долженъ былъ куда-то уйти.

Врядъ ли удачны способы завлеченія киргизовъ, которые примѣнялъ степной генераль-губернаторъ Колпаковскій. Распоряжаясь кульдженскимъ золотомъ, слишкомъ онъ¹⁾ щедро раздавалъ подарки и награды всякимъ султанамъ и волостнымъ и тѣмъ открывалъ этимъ послѣднимъ возможность смѣлѣе эксплуатировать «черную кость»—невѣстную массу склонныхъ къ раболѣпю азіатовъ.

Съ Асовъ въ Приилійскую долину мы попали черезъ переваль Кыржоль. Здѣсь мы въ послѣдній разъ взобрались на вершину. Снова взоръ нашъ прикованъ былъ къ бѣлоснѣжнымъ вершинамъ горъ и къ необъятному простору.

Но темные доли
Внизу различаемъ,
Селеньямъ и полю
Привѣтъ посылаемъ:
Да, въ эти вершины
Пришли мы отъ васъ,
Обратно въ низины
Вернемся сейчасъ.
Но прежде, чѣмъ къ вамъ
Внизъ опять возвратится,
Должны мы горамъ
За ихъ мощь поклониться.

По красивому крутому спуску, почти все время лѣсомъ, съѣхали мы внизъ, обратно въ долину Или, гдѣ не были девять дней. При переѣздѣ черезъ Кыржоль съ нами случилось маленькое происшествіе. Мы много слышали про здѣшнихъ барантачей, которые не стѣсняясь грабятъ проѣзжающихъ. Вблизи тянется склонъ мало населеннаго Джеланаша²⁾, гдѣ обираютъ проѣзжихъ догола. И вотъ по дорогѣ видимъ мы сложенную надъ ямой крышу изъ бревенъ и въ ней молодого киргиза съ ружьемъ-самопаломъ на козлахъ. Джигитъ подъѣзжаетъ къ нему, отбираетъ у него пистоны, порохъ, пули и увѣряетъ меня, что испуганный киргизенокъ—барантачъ, стерегущій проѣзжихъ. Только проѣхавъ версты двѣ, я догадался, что это за барантачъ, когда на горѣ проѣзжали и скрылись двое сурковъ. Бѣдняга былъ просто охотникомъ и сторожилъ сурковъ, а не проѣзжихъ. Джигитъ мой нисколько не спорилъ, что, можетъ быть, и такъ, но, вѣдь, порохъ и пули нужны и ему, джигиту (ружье мы уже успѣли пріобрѣсти),—такъ мнѣ пришлось по наивности и незнанію языка попасть впросакъ и обратиться самому въ покровителя барантача.

Еще одно забавное происшествіе было при самомъ спускѣ въ долину. Населеніе расположившагося въ ущельѣ аула, завидѣвъ караванъ,

¹⁾ Часть денежнаго вознагражденія, полученнаго отъ Китая при возвращеніи Кульджи, была назначена на благоустройство края и находилась въ распоряженіи генераль-губернатора.

²⁾ Названіе мѣстности. Джеланашъ значитъ голый.

рѣшило на всякій случай, что лучше упрячь лошадей, и, когда мы подъѣхали, все табуны исчезли. Благодаря ласковому тону, угощенію чаемъ и шуткамъ, сами хозяева помогали найти лошадей, но, какъ всегда, не своихъ, а чужихъ. Поналось двое: простоватый бій и какой-то бѣдный, обтрепанный киргизъ, принесшій повѣстку съ вызовомъ въ судъ къ понедѣльнику; а дѣло шло въ субботу. Отдать лошадь было невозможно и, чтобъ вознаградить какъ-нибудь бѣднягу, я взялъ его лавшой (проводникомъ). По бій заупрямился, пожелалъ самъ ѣхать, и нашъ бѣднякъ остался пѣшимъ. Полагая, что онъ останется, я предложилъ ему плату за лошадь, но... тутъ началась исторія... скорбе съ отчаянія, чѣмъ отъ грусти, онъ пожелалъ нести службу пѣш-

«Муллушка», надгробное сооруженіе въ Чилинской волости.

комъ: мы ѣхали шагомъ—онъ шель; мы переходили въ галопъ—онъ прыгалъ и догонялъ пастъ; мы пуекали лошадей рысью, и онъ не отставалъ. Какъ ни уговаривали его, онъ не сдавался, и вотъ, когда уже спустились съ горъ и осталась ровная, нетрудная дорога, я приказалъ отдать ему лошадь, перегрузивъ выюкъ на остальныхъ. Но нашъ пѣхотинецъ и тутъ не пожелалъ отправиться обратно: ему захотѣлось докончить службу. Пришлось прикрикнуть на него и лишь тогда онъ отправился домой и попрощался словами: «рахметъ, спасибо».

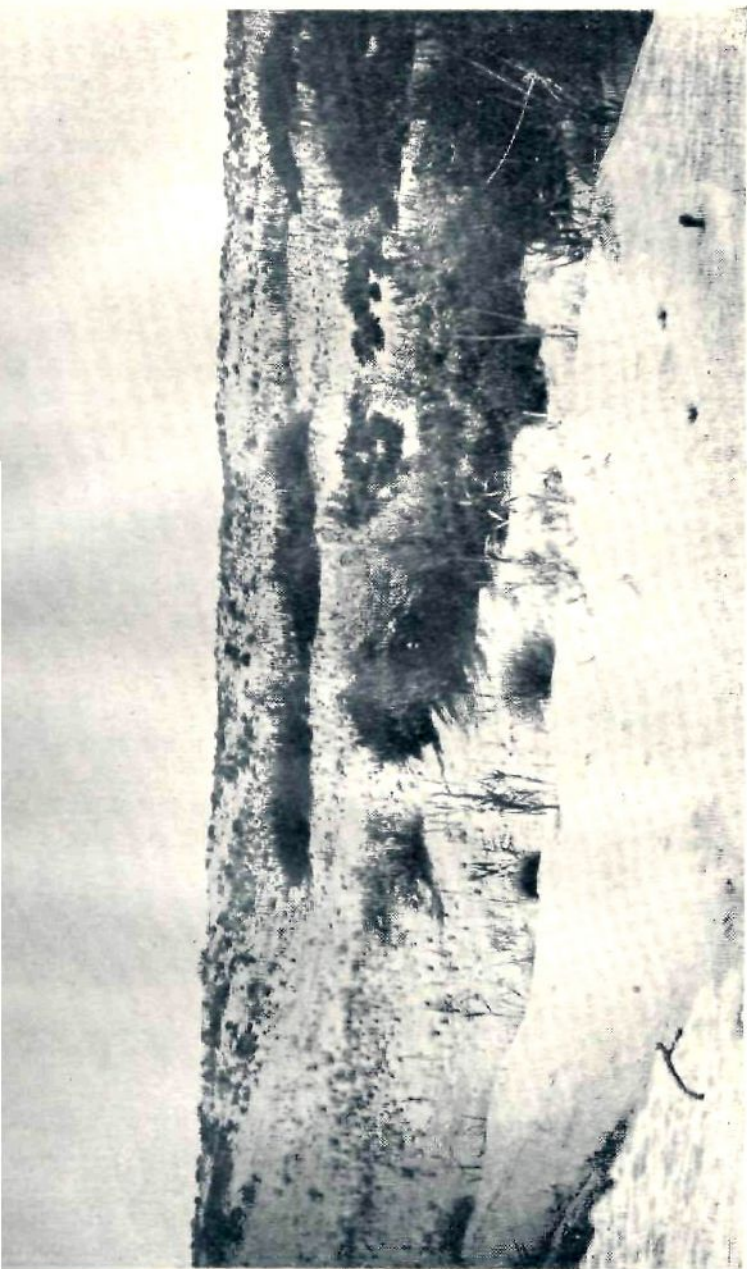
Отчего происходятъ такія непріятныя исторіи? Въ то время какъ на земскихъ и почтовыхъ трактахъ все платять, киргизамъ не

платить никто. Если имъ дають, то это считается «чаемъ». Полиція получает такое ничтожное содержаніе на разъѣзды, что поневолѣ считаетъ себя въ правѣ требовать лошадей безвозмездно. То же предѣлываютъ джигиты, «идя же имъ легіонъ», и всевозможные чиновники, хотя послѣдніе уже могли бы платить. Но заплатить правильно и по адресу—очень трудно. Привыкнувъ къ бесплатной поставкѣ лошадей, киргизскіе старшины никогда не дають лошадей своихъ, и плата не попадаетъ въ карманъ хозяину. Порядокъ въ этомъ дѣлѣ могъ бы установиться только при условіи обозначенія определенныхъ пунктовъ стоянокъ. Это значительно облегчило бы и упростило чиновникамъ всегда трудное добываніе лошадей. Но надо сказать, что среднему киргизу ничего въ сущности не стоитъ предоставить свою лошадь для небольшого переѣзда. Эта повинность тяжела только для бѣдныхъ егинчей, живущихъ почти исключительно своимъ маленькимъ посѣвомъ.

У такихъ егинчей пришлось мнѣ почевать послѣ спуска съ горы въ долину Асы-Сага. Здѣсь нѣсколько десятковъ киргизовъ двухъ волостей имѣють постоянное мѣстожителство, занимаются земледѣліемъ, какъ главнымъ промысломъ, и не выходятъ на джайлау, а посылають туда скотъ съ родственниками. Зимніе домики этихъ киргизовъ построены по типу бѣднѣйшихъ тарачинскихъ домовъ—низенькіе, съ плоскими крышами, съ малюсенькими окнами подъ потолкомъ, съ навѣсами для скота, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ домомъ, и съ визанками чія на плоской крышѣ. Подлѣ нѣкоторыхъ домовъ садики съ нѣсколькими фруктовыми деревьями. Обыкновенно возлѣ самаго зимняго помѣщенія находится и лѣтнее—юрта. Такъ какъ она стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ между деревьями, то вонь и грязь въ этой юртѣ прямо невыносимы. У нашего хозяина стояло пять такихъ юртъ, окруженныхъ ивами—предметомъ гордости ихъ владѣльца, лично насадившаго эти легко принимающіяся возлѣ воды деревья.

Хозяинъ, въ истертыхъ чамбарахъ (кожанья брюки), въ изорванной рубахѣ, съ чернымъ отъ жары лицомъ, казался самымъ послѣднимъ бѣднякомъ. Я предупредилъ джигита, что скоро лягу спать и что ѣсть ничего не буду. Однако мое желаніе не исполнилось и гостепримствомъ хозяина пришлось воспользоваться. Прежде всего не оказалось собственнаго чая—его вмѣстѣ съ чайницей припрятали чрезвычайно гостепримныя «бейбише» въ послѣднемъ аулѣ. Онѣ усердно насъ угощали чаемъ и все кивали головами и прищуривали глаза въ знакъ благоволенія, а въ то же время незамѣтно стащили чайницу, навѣрное, не столько ради чая, сколько изъ-за красивой жестяной коробочки.

Когда мы напились чаю, то хозяинъ попросилъ не ложиться, такъ какъ скоро будетъ готовъ козленокъ. Это было полною неожиданностью, но ничего уже нельзя было подѣлать. Хозяинъ счи-

Нески Прибалхашья.

талъ своею священною обязанностию поставить гостю угощеніе: «я рѣжку барана для двухъ киргизовъ, такъ какъ же не зарѣзать для такихъ рѣдкихъ гостей».

Гостепримство восточныхъ народовъ, освященное религіей и укрѣпившееся въ правосознаніи, какъ обязанность, возникло подъ условіями кочевой жизни и раскинутости поселковъ. Разумѣется, теперь оно уже утратило въ значительной степени свой смыслъ, но держится по инертной силѣ религіознаго права. Надо, однако, замѣтить, что безъ этого гостепримства намъ и теперь было бы тяжело существовать. При натуральномъ хозяйствѣ киргизовъ, у которыхъ нѣтъ никакихъ запасовъ для продажи, безъ гостепримства ихъ пришлось бы голодать.

Мы были уже въ степи. Горы тонули въ вечерней мглѣ. Равнина серебрилась луннымъ свѣтомъ. Мы устроили себѣ постель на травѣ, окружили постели толстымъ, кусающимъ руки канатомъ, чтобъ предохранить себя отъ змѣй, и прежде, чѣмъ былъ готовъ козленокъ, улеглись и любовались звѣзднымъ небомъ, вдыхая въ себя освѣжающій воздухъ, гонимый съ горъ «джилемъ» (зефиромъ). На горизонтѣ выросла вдругъ какая-то высокая фигура. Присматриваемся. Не дерево ли? Но нѣтъ—приближается и черезъ нѣкоторое время превращается въ очертанія коня и всадника. Черный всадникъ профѣзжаетъ. Лошадь фыркаетъ уже сзади. Опять тихо, тихо. Заблеялъ баранъ, заворчала собака, все какъ-то разлилось... «Баринъ, мясо готово»—насъ уже будятъ: мы незамѣтно уснули.

На другой день опять поиски лошадей. Расплата: хозяинъ получаетъ деньги, въ качествѣ подарка дѣтямъ, и мы ѣдемъ въ Чиликъ (большое селеніе Зайцевское). Духота, июльскій зной, мухи, все это послѣ горъ кажется адомъ. Уже утромъ, проспавшись, мы были разочарованы. Полынная степь, гдѣ мы устроили свои постели, оказалась выжженной, и мы спали не на травѣ, а на пеплѣ и мусорѣ. Почти то же, что случилось въ ночь подъ Ивана Купала съ тоголевскимъ дѣдомъ, червонцы котораго превратились въ соръ. По дорогѣ я не могъ выдержать мученій жажды и панился грязной, но прохладной воды изъ арка.

Когда мы пріѣхали, наконецъ, въ селеніе (Чиликъ состоитъ изъ двухъ частей: таранчичской и русской), было чрезвычайно пріятно видѣть ровныя улицы, красивые тополя и карагачи, аккуратные глиняные домики, потомъ базаръ, гдѣ мы сейчасъ же купили яблокъ и дынь, потомъ уже беспорядочность русскихъ улицъ, церковь, школу и, наконецъ, земскій домъ. Всѣ прелести горъ и вся тяжесть жары, пыли, жажды—были моментально забыты. Даже сердитая хозяйка показалаcя ангеломъ—мы были въ своей родной обстановкѣ.

IV.

Переѣздъ черезъ пески.

Кульджинскій трактъ отъ Чилика до Чарына.—Правовой бытъ киргизовъ и нравная вѣжливости.—Странный путникъ.—Охота.—Муллушки.—Киргизская сказка.—Переправа черезъ Или.

Вскорѣ послѣ поѣздки на Асы мы переѣзжали рѣку Чиликъ, направляясь по Кульджинскому тракту въ Джаркентскій уѣздъ. Разлившаяся отъ таянія льдовъ рѣка разбилась на нѣсколько рукавовъ. Бродъ доходилъ до полутора аршина глубины, и вода заливала повозку. Переѣхавъ рѣку, мы стали углубляться въ безлюдную и пустынную мѣстность. Вѣдная и безъ того растительность окрестностей была выжжена. Съ каждою верстою мы все болѣе чувствовали себя въ пустынѣ. Заилійскій Алатау уходилъ отъ насъ, видѣлась лишь макушка Талгара, а впереди разстилалась однообразная равнина, сначала съ жесткимъ чиемъ, потомъ съ колючими и рѣдкими пучками травы на барханахъ (бугорчатыхъ наростахъ почвы).

Случайно мы миновали первый бекетъ (постоялый дворъ), и пришлось верстѣ пятьдесятъ проѣхать безъ остановки. Жара изнуряла всѣхъ. Раскаленная степь дышала зноемъ. Закроешь глаза, забудешься, задремлешь. Вдругъ очнешься—все то же, какъ будто нигуда не уѣхалъ. Надоѣло... ожидаешь съ нетерпѣнiемъ бекета.

Наконецъ показывается глиняная стѣна. Подводчикъ радостно подгоняетъ лошадей. Мы прибыли на отдыхъ. Здѣсь колодезь, больше травы, и кругомъ шныряютъ зайцы. Ружье доставляетъ намъ обѣдъ. Но на бекетѣ скучно, хочется ѣхать все дальше. Солнце уже опускается, на смѣну ему сейчасъ же появляется луна. Ѣхать теперь прiятнѣе, но путь кажется безконечнымъ, такъ какъ ночью видъ еще однообразнѣе.

Остановились мы ночевать на слѣдующемъ бекетѣ. Спать можно было либо внутри дома на глиняномъ, приподнятомъ на аршинъ отъ пола возвышенiи, расчитанномъ на нѣсколько десятковъ человѣкъ, либо на крышѣ. Я предпочелъ, конечно, второе. На плоской крышѣ было безопаснѣе отъ паразитовъ, и, кромѣ того, свѣжiй джиль спасалъ меня отъ комаровъ и духоты.

Выѣхали мы до восхода солнца. Въ первый день намъ не попалось ни одного человѣка, ни одной подводы, а между тѣмъ мы двигались по Кульджинскому тракту, соединяющему Кульджу съ Вѣрнымъ и дорогой на Ташкентъ. По этому тракту двигаются всѣ торговые караваны, ѣдутъ богомольцы въ Мекку и имъ соединяются десятки селенiй. Гдѣ же причина такого отсутствiя людей? Мы ѣхали днемъ. Теперь—ночью—намъ встрѣтилось много повозокъ и на бе-

кетѣ, гдѣ мы ночевали, всю ночь слышались голоса прїѣзжавшихъ и отъѣзжавшихъ, ржали лошади и скригѣли повозки.

Скучно было ѣхать, и я для развлеченія сталъ вспоминать и записывать тѣ особенности киргизскаго обычнаго права, которыя мнѣ удалось выяснить.

Нѣкоторыя изъ этихъ особенностей небезынтересны.

Начну съ семейнаго права. Въ бракъ можно вступать дѣвочкамъ девяти лѣтъ, мальчикамъ—двѣнадцати. Браку препятствуетъ низкое общественное положеніе жениха.

Законное число женъ—четыре. Фактически больше двухъ женъ теперь рѣдко кто имѣетъ и вторую жену берутъ чаще всего тогда, когда первая состарится, или въ томъ случаѣ, если первая начнетъ болѣть.

Родовыя узы сказываются, между прочимъ, въ обязательствѣ содержать немущихъ родственниковъ. Даже отпаденіе отъ мусульманской вѣры не разрушаетъ этого обязательства, такъ какъ коранъ предписываетъ помогать всемъ бѣднымъ, безъ различія вѣры.

Въ области права обязательственнаго (договорнаго) интересно отмѣтить прежде всего, что заемъ, то есть возмездное предоставленіе другому въ собственность замѣнимой вещи, съ обязательствомъ вернуть равноцѣнную вещь (или сумму денегъ) и уплатить проценты, не допускается. Конечно, обходъ запрета совершается, и при томъ такъ же, какъ въ средніе вѣка, когда канонисты возстали противъ процента. А именно—либо процентъ заранѣе включается въ сумму долга, либо фиктивно предполагается, что вещь или деньги отдаются внаймы за плату и, въ случаѣ порчи или утраты, замѣняются другими при возвращеніи.

Другая характерная черта, что правомъ не признается договорная неустойка.

Очень любопытной особенностью является затѣмъ отсутствіе прїобрѣтательной (даже незапамятной) давности для недобросовѣстнаго владѣльца. Нѣтъ и погасительной давности для уголовныхъ дѣлъ. Только за прелюбодѣяніе нельзя привлечь къ отвѣтственности спустя мѣсяць. Состояніе опьянѣнія, если бій не чувствуетъ запаха вина, считается не доказаннымъ.

Въ области наследованія сказывается существованіе семейной общности имущества. Если нѣсколько сыновей выдѣлилось, то по смерти отца наследуютъ оставшіеся, хотя бы младшіе, а старшій изъ наследующихъ становится главою семьи и обязанъ за это содержать мать, сестеръ и бѣдныхъ родственниковъ. Такимъ образомъ, младшіе сыновья часто оказываются богаче старшихъ.

Кромѣ обычнаго права, у киргизовъ много правилъ этикета, правилъ вѣжливости, нарушеніе которыхъ считается неприличнымъ. Къ этимъ правиламъ не относится гостепрїимство, нарушеніе котораго карается по суду штрафомъ—уплатой лошади. Но въ ихъ

числѣ—правило почитанія старшихъ, почитанія мужчинъ женщинами, правила умѣренности въ пищѣ, когда угощаютъ, безразличія къ женщинамъ на людяхъ и другія. Всѣ эти правила признаются и исполняются, быть можетъ, болѣе строго, чѣмъ тѣ, нарушеніе которыхъ карается судомъ.

Въ то время, какъ я припоминалъ и записывалъ всѣ эти обычаи и правила вѣжливости у киргизъ, дорога улучшилась. Сначала мы ѣхали по глубокому выбухему песку, потомъ дорога какъ будто превратилась въ асфальтовую мостовую—это глиняный покровъ земли послѣ какого-нибудь тропическаго ливня превратился въ растрескавшуюся гладкую и крѣпкую кору. Ниже дороги версты на десять или больше были болота, тамъ поселились дунгане и завели рисовые посѣвы. Мы выбрали болѣе длинную дорогу, избѣгая арыковъ, грязи и комаровъ.

Въ этихъ пустынныхъ частяхъ кульджинскаго тракта обыкновенно не встрѣтишь пѣшаго путника. У киргизовъ, между прочимъ, имѣется такое правило: не ходить пѣшкомъ. И уважающій себя кочевникъ, да и другіе туземцы нерѣдко переѣзжаютъ верхомъ отъ юрты до юрты на самыхъ незначительныхъ разстояніяхъ. И вдругъ мы видимъ путника.

Но это не былъ киргизъ. Синяя рубаха и длинные бѣлокурые волосы выдавали русскаго. Но что за странный путникъ! Въ такую жару онъ идетъ пѣшкомъ черезъ пустыню и притомъ безъ шапки. Скоро мы нагнали его, путникъ оказался дѣйствительно чудачкомъ, но такимъ чудачкомъ, встрѣча съ которымъ не забывается. Это былъ интеллигентъ, и притомъ изъ хорошаго круга и съ хорошей шлифовкой ума. Мы усѣлись съ нимъ вмѣстѣ въ повозку.

Случайный спутникъ былъ странствующій художникъ, Георгій Эдуардовичъ Б., однофамилецъ извѣстнаго адмирала. Окончилъ онъ мюнхенскую академію и по специальности портретистъ. Отрицая современное искусство и изображеніе природы сквозь призму мимолетныхъ впечатлѣній, онъ хочетъ слиться съ природой, «чтобы она, какъ онъ выразился, сама въ немъ говорила, чтобъ быть естественнымъ и сильнымъ реалистомъ». И вотъ онъ въ бѣлыхъ холщевыхъ панталонахъ и ситцевой рубахѣ ходитъ по азіатскомъ горамъ и равнинамъ, направляясь сейчасъ на поклоненіе Ханъ-тегри, высочайшей въ предѣлахъ Семирѣчья вершинѣ въ 24 тысячи футовъ. Онъ терпитъ лишения, когда не принимаютъ на земскія квартиры, спитъ на улицѣ и, не скупая по оставленномъ мѣрѣ, все больше уходитъ въ любимую имъ природу. Онъ уже пропитался образами окружающей жизни и говоритъ картинно, этими же образами замѣняя отвлеченную логику. «Вотъ,—говоритъ онъ,—катится камень съ горы; чѣмъ дальше онъ падаетъ, тѣмъ стремительнѣе его движеніе, тѣмъ болѣе онъ захватываетъ съ собою другихъ камней и тѣмъ сильнѣе рушить и громить все по дорогѣ, пока не найдетъ свой послѣдній покой

въ самой глубинѣ пропасти, — такъ и сильный, энергичный человѣкъ прокладываетъ въ жизни путь для своихъ идей и такъ привлекаетъ и покоряетъ онъ своихъ приверженцевъ». Такимъ человѣкомъ хочетъ быть и нашъ художникъ, чтобъ силою своею стихійно увлечь за собою другихъ. Эпическое спокойствіе, эллинское благородство и изящество — его идеалы. Сила неуядаемой безконечно разнообразной природы ему дороже всего. Но зачѣмъ же онъ безъ шапки? Онъ направляется въ Индію и приучаетъ себя къ горячему солнцу.

Бесѣду нашу прервали выстрѣлы. Джигитъ уже давно оживился. Мы въѣхали въ оазисъ. Появились деревья, цвѣты, птицы. Шныряли зайцы. Въ одномъ мѣстѣ поднялись изъ кустовъ куропатки, въ другомъ стая дикихъ голубей. Когда же появилось стадо изящныхъ дикихъ козъ съ высокими пушистыми козломъ во главѣ, джигитъ не выдержалъ и сталъ палить. Охота была удачной... Въ этихъ мѣстахъ и ниже до Или есть на кого поохотиться: здѣсь водятся дикія кошки, лисцы, въ камышахъ кабаны и изъ птицъ, кромѣ обыкновенной дичи, фазаны.

Мы приближались къ рѣкѣ Чарыну, снова къ населенной мѣстности. Но послѣдній перегонъ и безъ того промелькнулъ совершенно незамѣтно: мой новый спутникъ рассказывалъ мнѣ старую киргизскую сказку, которую онъ самъ недавно узналъ отъ мулая. Вспомнилась ему сказка при видѣ оригинальной «муллашки», мимо которой мы проѣзжали. Муллашки это надгробныя сооруженія у киргизовъ. Раньше это были стильныя глиняныя или каменныя постройки въ формѣ пирамидъ, обелисковъ или монументальныхъ башенъ съ куполами; теперь же онѣ большею частью деревянныя, съ жестяной крышей.

Сказка, которую рассказалъ мнѣ мой страшный спутникъ, завидѣвъ вдали большую полуразвалившуюся муллашку-башню, очень любопытна.

Было это въ то время, когда киргизъ-кайсацкій народъ распался на множество самостоятельныхъ родовъ, перѣдко враждовавшихъ между собою и вступавшихъ въ жестокую кровопролитную борьбу съ другими племенами. Въ то давнее время, котораго не запомнить дѣды и прадѣды, между горами Тарбагатай и Алатау и озерами Балхашъ и Ала-куль кочевали два богатыхъ знатныхъ и могущественныхъ султана: Кара-бай и Сары-бай. Султановъ связывала самая тѣсная дружба, всюду они были вмѣстѣ и перѣдко они помогали другъ другу въ бѣдѣ и несчастьяхъ.

Разъ какъ-то выѣхали они на охоту. У одного и у другого султана жены ожидали со дня на день родовъ. Охотились султаны и все гадали о своихъ будущихъ дѣтяхъ. У Сары-бая были мрачныя предчувствія, и, когда вечеромъ утомленные охотники остановились на отдыхъ, Сары-бай сталъ просить друга принести клятвенный

обѣтъ, что они повѣнчаютъ своихъ дѣтей, если у одного родится сынъ, а у другого дочь. Сары-бай охотно отозвался на это предложеніе, и клятва была торжественно принесена. Но Сары-бай все оставался грустнымъ, и, какъ ни пріятно было ему сознаніе, что потомки его и Кара-бая будутъ вѣрные друзья и союзники, онъ не могъ успокоиться.

Султаны ѣхали домой. Былъ вечеръ, и тишина навѣвала на нихъ задумчивость. Вдругъ завидѣли они вдали гонца. Это ѣхаль джигитъ сообщить имъ о рожденіи сына у Кара-бая и дочери у Сары-бая. Скорѣе вѣтра поспѣлихъ домой обрадованные друзья, но было темно, и усталые кони стали спотыкаться. Кара-бай пріудержалъ лошадь и крикнулъ другу, чтобы онъ послѣдовалъ его примѣру. Сары-бай, однако, забылъ о предчувствіяхъ, объ осторожности и летѣлъ впередъ. Вдругъ конь его споткнулся, перевернулся черезъ голову и оба, конь и всадникъ, смѣшались съ пылью. Подоспѣвшіе спутники нашли Сары-бая мертвымъ.

Печаль царилъ въ обоихъ аулахъ. Не радостью, а горемъ сопровождалось рожденіе Сары-баевой дочери. Приглашенные по обычаю предсказатели не предвѣщали ей добраго въ жизни и совѣтовали Кара-баю нарушить клятву и не женить сына на дочери несчастнаго своего друга.

Тяжело было Кара-баю нарушать клятву, но счастье сына было ему дороже, и онъ рѣшилъ откочевать такъ далеко, чтобы всякая память о Сары-баѣ и его дочери была порвана разстояніемъ. Такъ и разошлись два могущественныхъ рода.

Послѣ смерти Сары-бая власть и главенство постепенно перешли къ его пріемышу калмыцкаго происхожденія, Кударь-Кулу. Дочь Сары-бая выросла красавицей, и стали все называть ее Баянь-слу (красавица Баянь), и, дѣйствительно, не было краше ея ни одной невѣсты. Кударь не имѣлъ у нея успѣха, но онъ рѣшилъ непременно сдѣлать ее своей женой. Чтобы добиться этого и помѣшать встрѣчѣ Баянь-слу и сына Кара-бая, про котораго Баянь знала отъ своего старика-дяди и котораго, какъ своего нареченнаго жениха, она все хотѣла видѣть, Кударь рѣшилъ откочевать такъ далеко, чтобы нельзя было найти къ нимъ никакого слѣда. Такъ и сдѣлали. Баянь-слу уже почти утратила надежду увидѣть Козу-Керпечъ, какъ называли Кара-баева сына, но она все не соглашалась стать женой Кудара и придумала для него три трудныхъ порученія, какъ будто для испытанія его любви, а въ дѣйствительности, чтобы оттянуть время: Кударь долженъ былъ пересчитать весь многочисленный скотъ ихъ, вырыть въ стени глубокіе колодцы для скота и наполнить водою искусственное озеро. Все сдѣлалъ Кударь, и Баянь-слу должна была исполнить обѣщаніе.

Между тѣмъ, сынъ Кара-бая Козу-Керпечъ уже искалъ свою невѣсту. Отъ него долго скрывали тайну о существованіи Баянь-слу и

о клятвѣ отца. Но разъ кто-то изъ родственниковъ проговорился, и Козу-Керпечъ, который отличался необыкновенной силой, заставилъ рассказать ему все.

Немедленно же послѣ этого пустился онъ въ путь. По просьбѣ матери, поискамъ его препятствовала колдунья: она бросалась на него разъяренной верблюдницею, обращалась въ дремучій лѣсъ и въ бурные потоки, но ничто не могло остановить смѣльчака и силача Козу-Керпеча. Онъ нашелъ бывший аулъ Сары-бая и тамъ встрѣтилъ дядю Баянъ-слу, который не любилъ Кудара, ушелъ отъ него и охотно рассказалъ Козу-Керпечу всѣ примѣты и признаки пути къ новой стоянкѣ Сары-баева рода.

Козу-Керпечъ появился передъ Баянъ-слу и Кударомъ, переодѣвшись въ простой нарядъ и зарывъ свое золотое вооруженіе, украшенное камнями сѣдло и яркія одежды. Онъ нанялся въ табунщики. Баянъ-слу сразу ему понравилась, и онъ искалъ встрѣчь съ нею. Однажды, когда красавица скучала, онъ предложилъ черезъ ея слугъ сѣсть ей пѣсню, въ пѣсняхъ онъ все намекалъ на близкое свиданіе Баянъ-слу съ ея женихомъ. Вскорѣ онъ сталъ приближеннымъ слугою Баянъ-слу, которая заинтересовалась его пѣснями. Однажды онъ открылъ ей свое имя. Они стали постоянно встрѣчаться и придумывать, какъ бы разстроить рѣшенную уже свадьбу съ Кударомъ.

Кударъ, не зная, кто таковъ новый джигить, все же чувствовалъ къ нему неприязнь. Разъ онъ обидѣлъ Козу-Керпеча, тотъ въ гнѣвѣ схватилъ Кудара и съ силою бросилъ его о землю. Собравшейся толпѣ онъ открылъ свое имя. Пораженный силою Козу-Керпеча, народъ сталъ на его сторону. Кудару пришлось отказаться отъ свадьбы. Онъ бѣжалъ и рѣшилъ отомстить.

Вскорѣ Кударъ привелъ съ собой калмыковъ, но Козу-Керпечъ, выѣхавъ съ джигитами навстрѣчу врагамъ, поражалъ ихъ, какъ коса траву, и обратилъ въ бѣгство. Кударъ выпросилъ пощаду и обѣщалъ мирно жить въ аулѣ, навсегда отказавшись отъ свадьбы съ Баянъ. Его оставили, но онъ сталъ сейчасъ же возмущать часть родни Баянъ-слу противъ Козу-Керпеча, сына клятвопреступника, и скоро большинство, задобренное калмыкомъ, стало на его сторону. Тогда Баянъ-слу, чтобы избѣжать кровопролитія, уговорила Козу-Керпеча на время скрыться въ ей одной извѣстное мѣсто, чтобъ такимъ образомъ не лишиться свиданій съ любимымъ женихомъ, а во время его отсутствія примирить родню. Но безпечный Козу-Керпечъ выдалъ себя, и вѣроломный Кударъ предательски нанесъ ему смертельную рану.

Горькія слезы проливала несчастная красавица, когда, явившись на свиданіе, застала жениха раненымъ, въ тяжеломъ забытьѣ. Съ трудомъ привела она его въ чувство, закрыла рану, дала цѣлебныхъ снадобій и такимъ образомъ вернула на нѣкоторое время жениху оставшіяся у него силы. Три дня и три ночи провела

она съ Козу-Керпечемъ въ ибжныхъ ласкахъ, по ядъ стрѣлы подбиствоваль, и на рукахъ ея Козу-Керпечъ скончался. Баянъ рѣшила поставить ему огромный памятникъ, а Кудара такъ же предательски умертвить, какъ онъ умертвилъ своего счастливаго соперника. Она завернула тѣло жениха въ тонкіе войлоки и дорогіе ковры и, нагрузивъ на верблюда, отправилась съ приближенными и друзьями на выбранное для могилы мѣсто.

Народу и Кудару она объявила, что теперь не станетъ противиться свадьбѣ съ Кударомъ, такъ какъ ибтъ уже больше парченнаго жениха. Кударъ повѣрилъ и послѣдовалъ за похоронной процессіей. У одного колодца Баянъ-слу стала вдругъ жаловаться на невыносимую жажду. Кударъ, чтобы угодить невѣстѣ, сейчасъ же спустился въ колодезь, схватившись за веревку; онъ хотѣлъ зачерпнуть воды въ шапку, но, какъ только онъ былъ на днѣ, Баянъ перерубила веревку и приказала засыпать колодезь. Такъ отомстила она противнику ей калмыку.

У возвышеннаго мѣста, гдѣ Баянъ рѣшила похоронить Козу-Керпечя, она приказала разставить юрты и, какъ только ея юрта была готова, заснула отъ усталости. Ее разбудилъ шумъ прѣходящаго каравана. Мимо юрты, тяжело нагруженные, важно шли одинъ за другимъ связанные другъ съ другомъ верблюды. Время отъ времени одна цѣпь верблюдовъ смѣнялась другой. Съ погремушкой проѣзжалъ впереди погонщикъ на осликѣ, мулѣ или верблюдѣ-самцѣ съ палочкой въ поздряхъ вмѣсто уздечки, а сзади него шли опять бѣлые и темно-бурые двугорбые верблюды. Баянъ-слу опять заснула, и, когда открыла глаза, караванъ все еще не прошелъ. Въ пестрыхъ одеядахъ ѣхали молодые и старые слуги караванъ-баша, и верблюды одинъ за другимъ все такъ же важно, звякая металлическими погремушками, продолжали идти съ тяжелымъ грузомъ на выносливой спинѣ.

Караванъ-баша, обладатель несмѣтныхъ сокровищъ, завидѣвъ множество юртъ, захотѣлъ узнать, въ чемъ дѣло, и, подѣхавъ къ центральной юртѣ, увидѣлъ Баянъ и былъ пораженъ ея удивительной красотой. Случилось то, чего Баянъ въ это время никакъ не ожидала: ей опять сдѣлали предложеніе. Отказать открыто могущественному караванъ-башѣ она не рѣшалась: тотъ могъ прибѣгнуть къ силѣ, а покончить съ собой она не хотѣла, такъ какъ рѣшила непременно поставить памятникъ Козу-Керпечу. Тогда она снова прибѣгла къ хитрости.

— Помоги мнѣ, — сказала она караванъ-башѣ: — исполнить мой долгъ по отношенію къ покойнику, и тогда я поѣду съ тобой.

Караванъ-баша созвалъ всѣхъ своихъ слугъ. Баянъ очертила на землѣ кругъ и бросила высоко вверхъ свою дѣвичью шапку. Такъ показала она, какой величины долженъ быть памятникъ. Немедленно закипѣла работа. Въ сосѣднихъ горахъ слуги купца ло-

мали и отдѣлывали камни, переноса ихъ другъ другу, такъ, чтобы никто не уставалъ. Особые рабочіе сейчасъ же складывали изъ камней стѣны памятника. Скоро памятникъ былъ готовъ. Тогда тѣло Козу-Керпеча было опущено въ могилу и устроены были богатый поминальный обѣдъ и скачки. Баянъ пошла попроситься съ трупомъ жениха и, опустившись въ яму, поразила себя на смерть кинжаломъ. Такъ кончила свою жизнь несчастная красавица.

И до сихъ поръ на большомъ почтовомъ трактѣ изъ Сергіополя въ Вѣрный, на берегу рѣки Аягузки стоитъ памятникъ Козу-Керпечу, высотой почти въ десять сажень. Уже забывается преданіе о Баянъ-слу и ея женихѣ, а памятникъ все стоитъ и еще долго будутъ передаваться отъ потомства къ потомству имена Баянъ и Козу-Керпеча.

Между тѣмъ, мы незамѣтно проѣхали Чарынъ, переправившись опять въ бродъ, и уже ѣхали по почтовой дорогѣ Пржевальскъ—Джаркентъ. Остановка тутъ же была немислима. Тучи комаровъ падали на насъ съ такой яростью, что, закутавши голову и руки, мы все же не были избавлены отъ частыхъ укусовъ. Ночевали на станціи Илійской и утромъ переѣхали черезъ широкую рѣку Или.

Примитивный паромъ переправлялся на другую сторону огромными веслами. На переправу ушло больше часа. Разъ три садился на мель, потомъ теченіе отнесло паромъ далеко отъ пристани его и отъ дороги, и пришлось тащить паромъ на канатѣ. Въ общемъ перевозчики справлялись съ дѣломъ прекрасно. Подростки прыгали, какъ лягушки въ воду, и сталкивали паромъ съ мели. Надо замѣтить, что дно рѣки Или очень измѣнчиво, а потому установить на ней судоходство можно только съ очень крупными затратами.

Въ тотъ же день мы были въ Джаркентѣ.

V.

На обратномъ пути.

Семирѣчье въ августѣ.—Возвращеніе киргизовъ съ джайлау.—Кара-киргизы манаш.—Чала-казаки.—Киргизы и русскіе крестьяне.

Въ Семирѣчѣ наступила самая тяжелая пора, и путешествіе мое, когда въ августѣ, послѣ двухъ-трехъ недѣль пребыванія въ Джаркентѣ и его окрестностяхъ, пришлось то въ подводѣ, то на почтовыхъ, то верхомъ проѣхать съ лишнимъ тысячу верстъ до самаго Ташкента,—было уже гораздо болѣе тяжело, чѣмъ раньше.

Днемъ понимала жара. Она какъ будто усиливалась, но главное становилась чувствительнѣе, такъ какъ давно прекратились

дожди и воздухъ былъ сухъ и пыленъ. Постоянные вѣтры засыпали проѣзжихъ пескомъ. Иногда вѣтеръ превращался въ маленькій смерчъ. Столбъ пыли начиналъ крутиться и съ бѣшеной яростью набрасывался на повозку, срывалъ шапки и крытый верхъ повозки, бросалъ въ лицо колючки и мчался дальше, пока, утомленный, не разсыпался въ равнинѣ.

Не всегда было хорошо и ночью. Трава уже выжжена, цвѣтовъ нѣтъ, и воздухъ пересталъ быть ароматнымъ; иногда, напротивъ, насыщенный отцвѣтающей полынью, онъ былъ горекъ и противенъ.

Еще позже, въ сентябрѣ, время отъ времени дулъ по ночамъ съ горъ такой ледяной вѣтеръ, что не было отъ него спасенья. Закутаешься въ шубу, въ кошму, но онъ проникаетъ въ рукава или подъ приподнявшійся край толстаго войлока и студитъ усталое тѣло...

Уже въ началѣ августа киргизы откочевываютъ въ равнину. Съ горъ медленно спускаются ихъ караваны. Всадники везутъ мѣхъ съ кумысомъ, всадницы дѣтей, а на верблюдахъ или быкахъ нагружены юрты, сундуки съ утварью и ковры, любимое украшеніе Востока. «Сирятавъ пестрый коверъ надеждъ въ сундукъ ожиданій»—говоритъ киргизская поговорка, отражая вкусы кочевника. Молча движется внизъ караванъ, и царятъ надъ нимъ зной и усталость.

На пашнѣ надо снѣть урожай и молотить хлѣбъ, топая по снопамъ лошадей. Женщины будутъ поджаривать на зиму тару (просо) и толочь въ каменныхъ ступахъ зерно. А потомъ женщины засядутъ за пряжу ковровъ да за шитье одежды. А мужчины будутъ сидѣть подлѣ юрты въ бараньихъ длинныхъ армякахъ, перевязанныхъ шарфомъ, и въ острокопечныхъ шапкахъ, будутъ вести длинныя, скучныя и безтолковыя бесѣды или просто плевать сквозь зубы и жевать табакъ, а если пріѣдетъ гость, будутъ ѣсть жирное мясо и обтирать руки о свои кожаные просаленныя штаны.

Въ Пишпекскомъ уѣздѣ и въ районѣ озера Иссыкъ-Куль живутъ кара-киргизы. Это племя и воинственнѣе кайсаковъ, и культурнѣе. У нихъ и украшеній больше, и наряды пестрѣе, а главное, у нихъ гораздо выше стоитъ земледѣліе. Кара-киргизы легко усваиваютъ культуру осѣдлой жизни и готовы къ землеустройству. Еще больше, впрочемъ, готовы къ этому чала-казаки. Такъ называется племя смѣшанной киргизской и сартовской крови. Они живутъ деревнями, въ хорошихъ домахъ, имѣютъ мечети и слѣдятъ за благоустройствомъ селенія. Такое селеніе чала-казаковъ расположено, между прочимъ, подъ Вѣрнымъ. Но вернемся къ кара-киргизамъ. Потомки бывшихъ предводителей отдѣльныхъ кара-киргизскихъ родовъ называются у нихъ мапанами ¹⁾ и до сихъ поръ

¹⁾ Это названіе соотвѣтствуетъ султанскому или княжескому титулу.

сохраняютъ большое вліяніе. Эти манапы, напримѣръ, знаменитый Шабданъ Джантаевъ въ Пишпекскомъ уѣздѣ, живутъ особыми хуторами, выдѣляясь изъ остальной массы. Вся волость находится у нихъ въ зависимости. Манапы хранятъ у себя множество цѣнныхъ и мало-цѣнныхъ документовъ и обладаютъ перѣдко полезными знаніями и громаднымъ административнымъ опытомъ. Волостной, хотя бы онъ былъ не одного съ манапами рода, все же пріѣзжаетъ къ манапу совѣтоваться и даже больше — испросить указаній. У кара-киргизовъ манапы, а у кайсаковъ «джакшиляры» — лучшіе или аристократы среди киргизовъ — отличаются отъ другихъ не только богатствомъ, но очень часто умомъ и тактомъ. Поэтому зависимость отъ нихъ не временная и не случайная, а продолжается до тѣхъ поръ, пока у противной стороны не найдется выдающійся главарь, который создастъ новый притягивающій центръ. Въ этихъ случаяхъ киргизская волость обыкновенно дѣлится и получаетъ названіе по имени своего главаря (Сланчановская, Саржановская), хотя бы официальное ея названіе было иное (напримѣръ, Западно- или Восточно-Талгарская).

Изъ манаповъ въ Семирѣчепской области особенно извѣстенъ войсковой старшина милиціи Шабданъ Джантаевъ, проживающій въ долинѣ рѣки Чу, недалеко отъ того мѣста, гдѣ Чу вырывается изъ узкаго величественнаго Боамскаго ущелья. Онъ украшенъ орденами и имѣетъ почетный халатъ. Его знаютъ все официальные лица и вызываютъ на все сѣзды. Разумѣется, простымъ киргизамъ онъ импонируетъ. Небольшого роста, съ сѣдой окладистой бородой, съ большимъ животомъ, онъ настоящій аксакалъ (сѣдо-бородый, старшина); а такъ какъ онъ при томъ глава большой семьи и знатнаго рода, да къ тому же имѣетъ силу у начальниковъ, то его не только чтутъ, но и одаряютъ. Последнее время духъ независимости вмѣстѣ съ постепеннымъ развитіемъ массы все болѣе развивается среди киргизовъ, и они перестаютъ подчиняться авторитету манаповъ. Шабданъ, однако, понявъ, чѣмъ можетъ онъ удержать свою силу, и теперь онъ прилагаетъ все усилія къ тому, чтобы завладѣть земельными пространствами и сдавать землю въ аренду. По его стремленія столкнулись съ интересами переселенческаго дѣла. Широкихъ размаховъ замыслы Шабдана уже не получаютъ, и время расцвѣта его силъ осталось позади¹⁾.

Новая жизнь, новыя вліянія замѣтно отражаются на киргизахъ. Они все болѣе привыкаютъ къ осѣдлости, все болѣе привязываются къ земледѣлію и все болѣе измѣняютъ свои привычки. Они учатся продавать продукты своего труда и покупать то, что раньше дѣлали

¹⁾ Въ порядкѣ высочайшаго соизволенія Шабданъ Джантаевъ получилъ въ 1910 году въ пожизненное пользованіе четыреста десятинъ земли въ возданіе заслуги, оказанной имъ при завоеваніи края (участіе въ завоеваніи Кокандскаго ханства и въ борьбѣ съ непокорными кара-киргизами).

сами; обычай гостепрiимства начинаетъ исчезать, такъ какъ выгоднѣе содержать бекетъ, гдѣ угощенiе сопровождается счетомъ. Неудобныя одежды домашней кройки замѣняютъ обыкновеннымъ костюмомъ, необходимыя орудiя покупными—удобными и дешевыми. Учатся мусульмане-киргизы и русскому пороку—пить; курить они уже давно выучились.

Но, какъ ни замѣтно отражается на киргизахъ постороннее влiяние, все же превращенiе кочевника въ земледѣльца дѣло десятилѣтiй и даже столѣтiй. Въ короткое время такое превращенiе не можетъ сказаться на всей массѣ. Духъ кочевника—любовь къ легкой, привольной, хотя и опасной жизни въ горахъ и степяхъ, это—духъ самыхъ горъ и степи, пока въ нихъ не изсякъ просторъ. А просторъ стѣсняется почти стихiйно. Русскiй крестьянинъ-переселенецъ охотно идетъ на черную землю и зеленые луга Семирѣчья и не можетъ и не хочетъ признать, что онъ не вездѣ найдеть себѣ мѣсто. Такъ борются и будутъ бороться два духа—духъ пахаря и духъ скотовода. Побѣда, конечно, обезпечена первому, тѣмъ болѣе, что самая борьба неравная; счастливы, поэтому, тѣ изъ киргизовъ, которые во-время успѣютъ и смогутъ перейти къ земледѣльческой культурѣ тамъ, разумѣется, гдѣ эта культура возможна и выгоднѣе, чѣмъ скотоводство.

Русскiе крестьяне значительно превосходятъ киргизовъ по культурности и часто относятся къ послѣднимъ съ презрѣнiемъ. Это презрѣнiе доходить иногда до полного отрицанiя въ киргизахъ человѣческой личности. Бываютъ на этой почвѣ случаи безчеловѣчной и бессмысленной жестокости: крестьяне безкалостно убиваютъ киргизовъ и не чувствуютъ угрызений совѣсти. Чаще всего дѣло происходитъ такъ. Русскiе крестьяне возьмутъ въ аренду киргизскiя земли, построятъ дома и отказываются уходить по окончанiи срока аренды. Прiѣзжаютъ киргизы. Начинается свалка, и дѣло кончается кровопролитiемъ, при чемъ либо вовсе не имѣющiе ружей, либо вооруженные старинными самоналами киргизы оказываются въ такихъ случаяхъ болѣе слабою стороною.

Бываетъ и хуже. Мужикъ работаетъ въ саду, видитъ, что черезъ заборъ тянется къ яблонѣ киргизъ, беретъ ружье и убиваетъ киргиза наповаль. Прибѣгаютъ сосѣди. —«Что такое?»—«А вотъ, убилъ собаку!»—и даже не тронется съ мѣста, чтобы подобрать убитаго.

Съ такимъ убiйцей мнѣ пришлось однажды встрѣтиться. Я остановился на ночлегъ въ селенiи Головачевкѣ (Аудіатинскаго уѣзда Сыръ-Дарьинской области). Въ избѣ былъ представительный мужикъ. Онъ интересно рассказывалъ про свои занятiя, — о томъ, какъ трудно ему обывать телѣги и получать все нужное, при отсутствiи желѣзной дороги. Рассказывалъ, и вдругъ говорить: «Теперь вотъ все перемѣнилось»

— Почему?

— Да я убійца... Убилъ киргиза.

Русскіе мужики, заражаясь духомъ завоевателей, нерѣдко теряютъ здѣсь свое исконное добродушіе, а съ нимъ и ту дѣтскую простодушную улыбку, которую такъ любилъ въ пихъ Л. Н. Толстой, не находившій этой улыбки у городекото пролетарія. Они заражаются столь распространенной на окраинахъ съ полудикимъ населеніемъ жаждой наживы, привыкаютъ къ эксплуатаціи, отвыкаютъ отъ гостепрѣимства,—они часто дѣлаются неузнаваемы. Но зато сознательность, осмысленность, постипаніе своихъ правъ, грамотность, все это развивается не менѣе быстро. Переселеніе въ новые края встряхиваетъ и переворачиваетъ все ихъ существо.

Но не всегда духъ киргиза оказывается побѣжденнымъ, и онъ со своей стороны ведетъ часто нападешя, грабитъ, угоняетъ скоть, тащитъ дѣвушекъ. А иногда своевольный духъ горъ и степи покоряетъ и иначе. Помню я одну встрѣчу. На двухколесной повозкѣ въ платьѣ изъ синята бархата и въ мѣховой шапкѣ ѣхала молодая женщина съ лицомъ красивой краснощекой бабы. Сзади скакалъ джигитъ. Кто это? Жена киргизскаго волостного, дочь русскаго мужика, бѣжавшая отъ родныхъ къ соблазнившему ее богатствомъ и красотою киргизу.

Приведу еще одинъ случай. Въ селеніи Ново-Покровскомъ Пишпекскаго уѣзда разговорился я съ хозяйкой.

— Горе у меня, баринъ, большое.

— А что?

— Сынъ убѣжалъ къ киргизамъ, а самъ-то (мужъ) его проклялъ и обѣщался убить.

И рассказала мнѣ, какъ сынъ все ѣздилъ къ киргизамъ, какъ они его поили и кормили, какъ онъ влюбился въ киргизскую дѣвку и какъ «убѣгъ». Киргизы скрыли его. Дали много скота, поженили и отправили за озеро Иссыкъ-куль. И гдѣ онъ теперь, неизвѣстно. Но старикъ поклялся, что убьетъ безстыжскаго сына, осрамившаго семью передъ людьми.

Такъ иногда увлекаетъ къ себѣ киргизская вольница.

Георгій Гинсь.

